единое войско, подъ единымъ знаменемъ и ради единой ближайшей цѣли: ради установленія закономъ нормальнаго рабочаго дня, требованіе котораго выставлено было уже на женевскомъ съѣздѣ Международнаго Товарищества Рабочихъ и затѣмъ повторено международнымъ рабочимъ конгрессомъ 1889 года въ Парижѣ. И зрѣлище нынѣшняго дня покажетъ капиталистамъ и землевладѣльцамъ всѣхъ странъ, что пролетаріи всѣхъ странъ дѣйствительно соединились.

О, если бы Марксъ былъ теперь со мною, чтобы видѣть это собственными глазами!

Лондонъ, перваго мая 1890 г. **Ф. Энгельсъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНІЮ

Въ сентябрѣ 1843 г. Марксъ писалъ Руге, приступая къ изданію „Deutsch-Französische Jahrbücher“:

„До сихъ поръ философы имѣли въ своемъ портфелѣ разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, и глупому міру непосвященныхъ оставалось только раскрыть ротъ, чтобы ловить жареныхъ рябчиковъ абсолютной науки. Теперь философія сдѣлалась свѣтской... Если конструированіе будущаго и окончательные результаты для всѣхъ грядущихъ временъ не наше дѣло, то тѣмъ опредѣленнѣе мы знаемъ, что намъ нужно совершить въ настоящемъ: я говорю о *безпощадной критикѣ всего существующаго*, безпощадной въ двухъ смыслахъ: въ томъ, что эта критика не боится собственныхъ результатовъ, и въ томъ, что она не отступаетъ отъ столкновенія съ предержащими властями“ [5]).

Этому критическому настроенію одного изъ будущихъ авторовъ „Манифеста“ вполнѣ соотвѣтствовало настроеніе другого его автора, Фридриха Энгельса, какъ это

[5]) См. переписку Маркса съ Арнольдомъ Руге въ 4-ой книжкѣ „Соціаль-Демократа“, стр. 26-27.

хорошо видно изъ его интересной статьи „Die Lage Englands“, которая была напечатана въ „Deutsch-Französischen Jahrbuchern“ и въ которой много мѣста отведено изложенію взглядовъ Карлейля.

Карлейль признавался, что у него нѣтъ никакихъ „Морисоновыхъ пилюль“, никакихъ панацей для лѣченія общественныхъ бѣдствій. Указавъ на это признаніе, Энгельсъ замѣчаетъ: „Въ этомъ онъ тоже правъ. Еще очень несовершенна та общественная философія, которая выдаетъ два-три положенія за свой конечный результатъ и предлагаетъ „Морисоновы пилюли“. Намъ не такъ нужны голые результаты, какъ *изученіе*. Результаты безъ развитія, которое ведетъ къ нимъ — ничто; это мы уже знаемъ со временъ Гегеля. А результаты, которые фиксируются какъ неизмѣнные и не кладутся въ основу дальнѣйшаго развитія, хуже, чѣмъ безполезны. Но результаты все таки должны принять опредѣленную, хотя и временную форму; развитіе должно вывести ихъ изъ туманной неопредѣленности и сдѣлать изъ нихъ ясныя мысли“. [6])

Въ теченіе времени, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, соціальная философія Маркса и Энгельса тоже пришла, въ своемъ развитіи къ извѣстнымъ результатамъ, которые получили первое систематическое выраженіе въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“ и затѣмъ пополнялись въ другихъ сочиненіяхъ его авторовъ. Эти результаты никогда не грѣшили „туманной неопредѣленностью“. Напротивъ, даже люди, не сочувствовавшіе имъ и пугавшіеся ихъ, вынуждены были признать, что „изученіе“ привело Маркса и Энгельса къ цѣлому ряду ясныхъ и оригинальныхъ мыслей. Но если справедливо замѣчаніе Энгельса о томъ, что надо дорожить не столько *результатами*, сколько тѣмъ *развитіемъ*, которое ведетъ къ нимъ, и что вообще результаты имѣютъ лишь *временное значеніе*, то можно спросить себя: не устарѣли-ли результаты, изложенные въ „Манифестѣ“, и не осуждены-ли они дальнѣйшимъ ходомъ того самаго

[6]) Deutsch-Französische Jahrbücher, SS. 167-168.

развитія, которое нѣкогда привело къ нимъ? Одинъ остроумный французъ замѣтилъ, что онъ не хотѣлъ бы думать какъ Вольтеръ, въ такое время, когда Вольтеръ думалъ бы иначе. Мы должны послѣдовать примѣру этого француза. Если бы мы захотѣли думать какъ Марксъ и Энгельсъ въ такое время, когда Марксъ и Энгельсъ думали бы иначе, то мы показали бы этимъ полную неспособность усвоить живой критическій *духъ* ихъ ученія и, отстаивая его мертвую *букву*, мы были бы отъ него гораздо дальше, чѣмъ тѣ догматики, о которыхъ говорилъ Марксъ въ цитированномъ выше письмѣ къ Арнольду Руге.

Марксъ и Энгельсъ безпощадно критиковали все существующее и не боялись результатовъ своей критики. Ученики Маркса и Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые ихъ учителями.

Казалось бы, что это само собою разумѣется, и что говорить объ этомъ излишне въ особенности теперь, когда во всей Европѣ, — отъ Петербурга до Неаполя и отъ Самары до Дублина, — развелось такъ много марксистовъ, стоящихъ *„подъ знакомъ критики“*. Но въ томъ-то и дѣло, что бываютъ разные *„знаки критики“*. Давно уже было сказано, что не всякій, повторяющій: „Господи, Господи!“, войдетъ въ царствіе небесное. Теперь приходится сказать, что не всякій, твердящій „критика, критика“, способенъ возвыситься надъ *догматизмомъ*. Люди, „критикующіе“ Маркса и Энгельса, многочисленны теперь, какъ песчинки на днѣ морскомъ. Критика марксизма стала модой въ нѣкоторыхъ кругахъ интеллигенціи всѣхъ странъ. Но мода и критика плохо уживаются одна съ другою. И чѣмъ болѣе критика марксизма становится дѣломъ моды, тѣмъ болѣе утрачиваетъ она *всякое критическое содержаніе*. Объявляя устарѣлыми тѣ результаты, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ, господа критики не ставятъ на ихъ мѣсто ничего *новаго* и частью ограничиваются безсодержательнымъ и скучнымъ повтореніемъ слова „критика“, а частью возвращаются на точку зрѣнія *буржуазныхъ современниковъ* или даже *предшественниковъ* Маркса и Энгельса. Само собою разумѣется, что *такая* критика нисколько не спасаетъ отъ догматизма, и что *такое*

движеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо *поступательнымъ*.

Слабость „критической“ мысли господъ критиковъ Маркса съ особенной яркостью обнаруживается въ области философіи. Здѣсь они противопоставляютъ такъ называемому ими догматизму матеріалистовъ довольно уже пожилую догму кантіанцевъ о непознаваемости внѣшняго міра. Разбирать здѣсь эту догму было бы неумѣстно, и потому только мы замѣтимъ, что, отвергая матеріализмъ, господа критики не даютъ себѣ труда хорошенько ознакомиться съ этой теоріей и довольствуются тѣмъ представленіемъ о ней, которое усердно культивируется во славу религіи учеными, полуучеными и совсѣмъ неучеными филистерами и попами разныхъ странъ, и въ основѣ котораго лежитъ христіанское противоположеніе матеріи духу.[7])

Въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“ мы имѣемъ дѣло исключительно съ *„соціальной философіей“* Маркса и Энгельса. О ней и пойдетъ у насъ рѣчь въ нашемъ предисловіи. Но и она очень обширна. Всестороннее разсмотрѣніе ея невозможно въ этомъ предисловіи. Поэтому мы разсмотримъ здѣсь лишь *основную мысль* Манифеста, а отдѣльныя его положенія разсмотримъ въ брошюрѣ „Критика нашихъ критиковъ“, подготовляемой нами къ печати.

„Основная мысль, пропитывающая собою весь „Манифестъ“, та мысль, что въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбѣжно обусловленное имъ строеніе общества составляетъ основу политической и умственной исторіи; что, соотвѣтственно этому, вся исторія, съ тѣхъ поръ, какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторіей классовой борьбы;... но что эта борьба достигла те-

[7]) Главнымъ научнымъ источникомъ, изъ котораго черпаютъ теперь эти господа свои свѣдѣнія о матеріализмѣ, является извѣстная исторія матеріализма Ланге. Но Ланге самъ никогда не могъ взглянуть на матеріализмъ глазами трезваго и безпристрастнаго изслѣдователя. Его книга сдѣлала очень много не для критики матеріализма, а для распространенія и укрѣпленія въ публикѣ неправильнаго взгляда на его историческое развитіе и на его значеніе для общественной науки нашего времени.

перь той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый классъ... не можетъ освободиться отъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса... не освободивъ въ то же время и навсегда всего общества отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежитъ единственно и исключительно Марксу".

Такъ говоритъ Энгельсъ. Правъ-ли онъ? Не совсѣмъ.

Во-первыхъ, Энгельсъ неправъ, сводя къ нулю свое собственное участіе въ разработкѣ основной мысли „Манифеста". Во-вторыхъ, нѣкоторые, очень важные *элементы* этой мысли встрѣчаются въ гораздо болѣе ранней соціально-политической литературѣ.

Профессоръ Антоніо Лабріола въ своемъ прекрасномъ опытѣ: „Въ память Манифеста Коммунистической Партіи" справедливо замѣчаетъ, что уже древніе историки, а въ новое время итальянскіе историки эпохи Возрожденія хорошо понимали значеніе классовой борьбы, происходившей на ихъ глазахъ въ тѣсныхъ предѣлахъ городскихъ республикъ. Не менѣе справедливо и то замѣчаніе Лабріолы, что классовая борьба, принявшая гораздо болѣе широкіе размѣры въ современномъ государствѣ, все болѣе и болѣе бросалась въ глаза въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Но онъ ошибается, полагая, что историческое значеніе этой борьбы съ наибольшею ясностью сознано было въ концѣ этого періода, — именно въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1850 года. Въ дѣйствительности пониманіе классовой борьбы, какъ важнѣйшаго двигателя историческаго развитія, уже въ двадцатыхъ годахъ достигло такой степени ясности, которая была превзойдена развѣ только въ сочиненіяхъ авторовъ „Манифеста". Въ эпоху же 1830-1850 гг. пониманіе это отчасти затемнилось подъ вліяніемъ причинъ, которыя мы укажемъ ниже.

Уже въ своихъ „Lettres d'un habitant de Genève", вышедшихъ въ 1802 г., Сенъ-Симонъ говоритъ объ отношеніяхъ между „имущимъ" и „неимущимъ" классами, и *борьбой этихъ классовъ* объясняетъ ходъ и исходъ французской революціи. Но это сочиненіе содержитъ въ себѣ лишь зародыши взглядовъ Сенъ-Симона. Гораздо полнѣе высказываются они въ позднѣйшихъ его

произведеніяхъ, — напр., въ въ „Organisateur" (знаменитая „Парабола"), въ „Lettres à Messieurs les Jurés", „Du système industriel", „Catechisme des industriels" и „Opinions littéraires philosophiques et industriels". Производство есть цѣль общественнаго союза, а потому люди, руководящіе производствомъ, всегда стояли и всегда будутъ стоять во главѣ общественнаго союза. До пятнадцатаго столѣтія свѣтская власть находилась въ рукахъ дворянства. Это не могло быть иначе потому, что дворянство руководило тогда земледѣльческими работами, а земледѣльческія работы были тогда единственно важной отраслью промышленной дѣятельности[8]). Но мало по малу, въ періодъ отъ перваго крестоваго похода до Людовика XI, возникъ и организовался въ независимую отъ дворянства силу новый общественный классъ,—промышленники въ собственномъ смыслѣ слова, — который еще больше окрѣпъ и выросъ въ эпоху, отдѣляющую царствованіе Людовика XI отъ царствованія Людовика XIV. Въ теченіе всей этой эпохи промышленный классъ не переставалъ бороться съ дворянствомъ и отнимать у него одну экономическую позицію за другою. Нуждаясь въ сильной поддержкѣ, онъ заключилъ союзъ съ королевской властью, и этотъ союзъ опредѣлилъ собою дальнѣйшее политическое развитіе Франціи вплоть до того времени, когда королевская власть, въ лицѣ Людовика XIV, измѣнила своему вѣрному союзнику и сдѣлалась покровительницей аристократіи. Это была ошибка, дорого стоившая Бурбонамъ, но не остановившая развитія промышленнаго класса. Французская революція и послѣдовавшія за нею событія вызваны были борьбою новаго промышленнаго порядка со старой феодальной системой, сторонники которой сдѣлали во время реставраціи новую попытку вернуть свое старое вліяніе и значеніе. Но ихъ усилія осуждены на неудачу; ихъ вліяніе навсегда утрачено. „Въ теченіе пятнадцати вѣковъ, — говоритъ Сенъ-Симонъ, — феодальная система постепенно дезорганизовалась, а промышленная система постепенно

[8]) Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. Paris 1825, pp. 144-145. Ср. Catechisme des industriels въ Œuvres de Saint-Simon, изданныхъ О. Родригомъ, Paris 1832, p. 18.

организовалась. Достаточно будетъ тактичнаго поведенія главныхъ представителей промышленности, чтобы окончательно установить промышленную систему и очистить общество отъ развалинъ того феодальнаго зданія, въ которомъ жили когда-то наши предки".[9])

Историческіе взгляды Сенъ-Симона были почти цѣликомъ усвоены его „пріемнымъ сыномъ" Огюстэномъ Тьерри, такъ много сдѣлавшимъ впослѣдствіи для французской исторической науки. Огюстэнъ Тьерри стоялъ на точкѣ зрѣнія „третьяго сословія" и хорошо понималъ это. Въ 1818 г. онъ писалъ въ „Censeur Europeen": „Кто изъ насъ слышалъ о томъ классѣ людей, который сохранилъ для человѣчества промышленное искусство и привычку къ труду во время наводненія Европы варварами? Постоянно подвергаясь притѣсненіямъ и грабежу со стороны своихъ побѣдителей и повелителей, эти люди вели тягостное существованіе, получая въ вознагражденіе за свой трудъ лишь сознаніе того, что они поступаютъ хорошо и сохраняютъ цивилизацію для своихъ дѣтей и для всего міра. Эти спасители нашихъ искусствъ были нашими отцами. Мы дѣти тѣхъ крѣпостныхъ, тѣхъ данниковъ, тѣхъ буржуа, которыхъ безпощадно попирали завоеватели. Мы всѣмъ обязаны имъ... Но, недавно освобожденные рабы, мы хранили память лишь о семьяхъ и о дѣйствіяхъ своихъ господъ. Только тридцать лѣтъ тому назадъ мы вспомнили, что наши отцы составляли націю. Мы всѣмъ восхищались и все изучали, за исключеніемъ того, что было совершено ими. Мы были патріотами и забывали тѣхъ, которые въ теченіе четырнадцати вѣковъ воздѣлывали почву нашего отечества, которую такъ часто опустошали другія руки".[10])

Два года спустя, Тьерри возвращается къ той же темѣ и доказываетъ, что французы еще не имѣютъ настоящей исторіи своего *народа*. Исторія гражданъ, исторія подданныхъ еще не написана, а между тѣмъ она гораздо интереснѣе и способна вызвать гораздо больше симпатій, чѣмъ исторія высокопоставленныхъ лицъ и королей, — „единственная исторія, о которой намъ говорятъ". Движеніе народныхъ массъ къ свободѣ и благосостоянію представляетъ собою болѣе величественное зрѣлище, чѣмъ походы завоевателей, а бѣдствія народа трогательнѣе бѣдствій королей, лишившихся своихъ престоловъ. Если бы нашлось перо, достойное написать исторію народныхъ массъ, то французы узнали бы, что ихъ города могутъ гордиться „не только тѣмъ, что въ нихъ жили тѣ или другіе аристократы, или что черезъ нихъ проходилъ тотъ или другой король. Они узнали бы также, что политическая жизнь народа не ограничивалась уплатой податей и поставкой рекрутъ"[11]).

[9]) Œuvres, p. 59.

[10]) Цитировано имъ самимъ въ его Dix ans d'Études historiques Paris 1837, préface, p. VIII.

Уже эти краснорѣчивыя тирады ясно показываютъ, какимъ образомъ ростъ самосознанія третьяго сословія во Франціи вызвалъ коренную перемѣну во взглядахъ французскихъ историковъ. Для ученыхъ плебеевъ того времени исторія третьяго сословія была интереснѣе исторіи двора и аристократіи, и потому они почувствовали потребность разработать именно исторію третьяго сословія. А такъ какъ эта исторія въ теченіе многихъ столѣтій была исторіей всего народа за исключеніемъ дворянства и духовенства, то неудивительно, что народная жизнь прошлыхъ вѣковъ стала привлекать къ себѣ главное вниманіе исторической науки, прежде занимавшейся лишь королями и аристократами. Въ исторической наукѣ временъ реставраціи сказалось то же самое настроеніе третьяго сословія, которое еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ начало сказываться въ области изящной литературы и литературной критики. Извѣстны психологическіе мотивы, вызвавшіе появленіе такъ называемой *мѣщанской драмы*. „Что за дѣло мнѣ, мирному гражданину монархическаго государства 18-го столѣтія — писалъ Бомаршэ — до смерти какого-нибудь пелопонезскаго тирана или до принесенія въ жертву царской дочери въ Авлидѣ? Все это совершенно до меня не касается, во всемъ этомъ нѣтъ ничего поучи-

[11]) См. первое письмо объ исторіи Франціи, перепечатанное въ Dix ans d'études historiques, p. 325.

тельнаго для меня".[12]) Бомаршэ и его единомышленники хотѣли, чтобы на сценѣ съ любовью и вниманіемъ изображались бытъ и страданія людей современнаго имъ третьяго сословія. Классическая трагедія раздражала и оскорбляла ихъ своимъ пристрастіемъ къ высокопоставленнымъ героямъ. „Изображать горе и несчастія людей средняго состоянія! съ горечью восклицалъ Бомаршэ. Fi donc! Ихъ можно только осмѣивать! Смѣшные граждане и несчастные короли — вотъ чѣмъ ограничивается область, доступная театру. Такъ мы и будемъ знать".[13])

Буржуазія восемнадцатаго столѣтія хотѣла „имѣть свой портретъ", и ея литературные представители попытались изобразить ея тогдашнія черты въ герояхъ мѣщанской драмы.[14]) Подобно этому, во время реставраціи, буржуазія, отстаивавшая свои соціально-политическія завоеванія отъ настойчивыхъ посягательствъ со стороны приверженцевъ стараго порядка, хотѣла слышать разсказъ объ ея собственныхъ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ, и ея ученые представители принялись писать для нея назидательное и интересное повѣствованіе о притѣсненіяхъ, которымъ она нѣкогда подвергалась, объ ея усиліяхъ завоевать себѣ лучшую долю и объ ея успѣхахъ въ борьбѣ противъ притѣснителей. Такъ создалось новое направленіе въ исторической наукѣ, представлявшее собою огромный шагъ впередъ въ ея развитіи.

Историки прежняго времени, интересовавшіеся преимущественно королями и аристократами, видѣли въ подвигахъ своихъ высокопоставленныхъ героевъ главныхъ двигателей историческаго развитія. Этотъ взглядъ усвоенъ былъ и просвѣтителями восемнадцатаго вѣка, у которыхъ онъ, согласно ихъ революціонному настроенію, видоизмѣнился въ ученіе о томъ, что мнѣнія правятъ миромъ. Несостоятельное въ теоретическомъ от-

[12]) Essai sur le genre dramatique sérieux въ Oeuvres complètes, Paris 1828, t. I, p. 11.

[13]) Lettre sur la critique de Barbier de Seville въ Oeuvres complètes, t. I, p. 258.

[14]) Ср. Брюнетьера, Les époques du théâtre français, Paris 1896, p. 287.

ношеніи, ученіе это имѣло то преимущество, что отводило широкое мѣсто воздѣйствію революціонныхъ *героевъ* интеллигенціи на угнетаемую государствомъ и высшими сословіями *толпу* средняго сословія. Но буржуазія временъ реставраціи, незадолго передъ тѣмъ нанесшая смертельный ударъ старому порядку, уже не походила на подавленную толпу. Ея идеологи, проникнутые сознаніемъ ея силы и значенія, увидѣли въ ней самой главнаго героя историческаго движенія. Мы уже знаемъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ Тьерри объ ея заслугахъ передъ человѣчествомъ и цивилизаціей.

Но разъ заинтересовавшись исторіей своихъ „отцовъ", ученые представители буржуазіи необходимо должны были составить себѣ совершенно новый взглядъ на историческое происхожденіе и развитіе общественныхъ учрежденій.

„Удивительна — говоритъ Огюстэнъ Тьерри — упорная склонность историковъ не признавать за массой никакой самодѣятельности, никакого творчества. Если какой-нибудь народъ выселяется, ища себѣ новаго мѣстожительства, то наши исторіографы и поэты объясняютъ это тѣмъ, что какой-нибудь герой рѣшился основать новую имперію съ цѣлью прославить свое имя; если возникаетъ какое-нибудь новое государство, то это объясняется иниціативой того или другого государя. Народъ, граждане всегда представляютъ собою лишь матерію, одухотворяемую мыслью отдѣльныхъ людей. Хотите въ самомъ дѣлѣ узнать, кто создалъ данное учрежденіе, кому принадлежитъ мысль даннаго общественнаго предпріятія? Ищите тѣхъ, кому оно было нужно: имъ навѣрное принадлежитъ и первая мысль о немъ, и желаніе дѣйствовать, и значительная часть въ выполненіи. Is fecit cui prodest, — эта аксіома примѣнима въ исторіи не менѣе, чѣмъ въ юриспруденціи".[15])

Эта новая точка зрѣнія — точка зрѣнія *общественнаго или классового интереса* — въ связи съ сочувствіемъ къ „отцамъ", вынесшимъ на своихъ плечахъ многовѣковую борьбу противъ высшихъ сословій, неизбѣжно должна была привести къ сознанію важнаго историчес-

[15]) Dix ans d'études historiques, p. 348.

каго значенія борьбы различныхъ общественныхъ классовъ за свои интересы, т. е., короче — *классовой борьбы*. И дѣйствительно, уже въ началѣ своей литературной дѣятельности Огюстэнъ Тьерри указываетъ на „борьбу классовъ и интересовъ“ въ Англіи (lutte des classes d'hommes et des intérêts), какъ на одно изъ главныхъ послѣдствій завоеванія ея норманами.[16]) Революціонное движеніе въ Англіи 17-го вѣка изображается имъ какъ борьба третьяго сословія съ аристократіей. „Всякій, чьи предки принадлежали къ числу завоевателей Англіи — говоритъ онъ о первой англійской революціи — покидалъ свой замокъ и ѣхалъ въ королевскій лагерь, гдѣ и занималъ положеніе, соотвѣтствующее его званію. Жители городовъ толпами шли въ противоположный лагерь. Тогда можно было сказать, что арміи собирались — одна во имя *праздности и власти*, другая во имя *труда и свободы*. Всѣ праздношатающіеся, каково бы ни было ихъ происхожденіе, всѣ тѣ, которые искали въ жизни лишь достающихся безъ труда наслажденій, становились подъ королевскія знамена, защищая интересы, подобные ихъ собственнымъ интересамъ; и наоборотъ, тѣ изъ потомковъ прежнихъ завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединились къ партіи общинъ“[17]).

Но особенно замѣчательно то, что и въ религіозномъ движеніи того времени Тьерри видѣлъ лишь отраженіе „положительныхъ“, житейскихъ интересовъ. „Съ обѣихъ сторонъ — говоритъ онъ — война велась за положительные интересы. Все остальное было внѣшностью или предлогомъ. Люди, отстаивавшіе дѣло *подданныхъ*, были по большей части пресвитеріанами, т. е. не хотѣли никакого подчиненія даже въ религіи. Тѣ же, которые примыкали къ противной партіи, принадлежали къ англиканскому или католическому исповѣданію; это было потому, что даже въ религіозной области они стремились къ власти и къ обложенію людей налогами“[18])

Переходя къ современнику Тьерри *Минье*, мы встрѣ-

[16]) Въ статьѣ Vue des revolutions d'Angleterre, Dix ans d'études historiques, p. 16.

[17]) Ibidem.

[18]) Ibidem.

чаемъ совершенно тотъ же взглядъ на значеніе имущественныхъ интересовъ и на роль классовой борьбы въ исторіи цивилизованныхъ странъ. По словамъ Минье, „наиболѣе многочисленные и наиболѣе сильные интересы диктуютъ законы и достигаютъ своей цѣли“ (dictent la loi et arrivent à leur but)[19]) Легко понять отсюда, какое вліяніе имѣютъ, по его мнѣнію, интересы на развитіе общества. „Общественное движеніе, — говоритъ онъ — опредѣляется господствующими интересами. Движеніе это стремится къ своей цѣли посреди разныхъ препятствій, останавливается, разъ достигнута эта цѣль, и уступаетъ мѣсто другому движенію, которое сначала остается незамѣтнымъ и обнаруживается только тогда, когда дѣлается преобладающимъ. Таковъ былъ ходъ развитія феодализма. Феодализмъ существовалъ въ нуждахъ людей, еще не существуя фактически, — первая эпоха; во вторую эпоху онъ существовалъ фактически, постепенно переставая соотвѣтствовать нуждамъ, и это послѣднее обстоятельство положило конецъ его фактическому существованію. Еще ни одна революція не совершалась другимъ путемъ“.[20]). Появленіе на исторической сценѣ городскихъ коммунъ измѣнило всѣ внутреннія отношенія тогдашнихъ обществъ. Въ Италіи коммуны добиваются полнаго господства, и тамъ возникаетъ демократія. Во Франціи онѣ оказываются вынужденными соединиться съ королевской властью и тѣмъ положить основаніе абсолютизму. Наконецъ, въ Англіи, гдѣ онѣ соединяются съ феодалами противъ короля, является коституціонная монархія.[21]) Такимъ образомъ, взаимное отношеніе важнѣйшихъ соціальныхъ элементовъ европейскаго общества — т. е. аристократіи и третьяго сословія — опредѣлило собою политическое развитіе Европы. Чѣмъ болѣе росло третье сословіе, тѣмъ болѣе приближалось окончательное паденіе стараго общественнаго порядка. Во Франціи эпоха этого паденія была эпохой революціи, къ которой Минье всегда относился съ самымъ горячимъ сочувствіемъ.

[19]) Da la féodalité, des institutions de St-Louis et de l'influence de la législation de ce prince, Paris 1822, p. 47.

[20]) Ibidem, pp. 77-78.

[21]) Ibidem, p. 83.

Его исторія французской революціи лучше всѣхъ другихъ его сочиненій показываетъ, до какой степени ясно сознавалъ онъ историческое значеніе классовой борьбы. Онъ прекрасно понимаетъ, что борьба политическихъ партій во время революціи выражала собою лишь противорѣчіе классовыхъ интересовъ. „Аристократическіе классы — говоритъ онъ — имѣли интересы противоположные интересамъ національной партіи. Поэтому дворянство и высшее духовенство, сидѣвшіе на правой сторонѣ, были въ постоянной оппозиціи противъ этой партіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней всеобщаго увлеченія".[22]) Партія Дюпора, Барнава и Ламэтта представляла собою „родъ оппозиціи внутри средняго класса"[23]) Конституція 1791 г. была дѣломъ средняго класса, оказавшагося тогда сильнѣе другихъ; „извѣстно, — прибавляетъ Минье, — что сила, достигшая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями".[24]) Антиреволюціонныя возстанія въ Кальвадосѣ, Жеводанѣ и Вандеѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что эти мѣстности не сочувствовали революціи, „такъ какъ въ нихъ не было многочисленнаго средняго и образованнаго класса".[25]) Жирондисты являются въ его глазахъ партіей перехода отъ средняго класса къ простонародью (la multitude), между тѣмъ какъ въ Дантонѣ, Робеспьерѣ, Камиллѣ Демулэнѣ, Ф. д'Эглантинѣ, Маратѣ и т. д. онъ видѣлъ истинныхъ вождей новаго движенія, начавшагося при посредствѣ низшаго общественнаго класса и направлявшагося противъ средняго класса, къ которому принадлежали Жирондисты по своему положенію и по своимъ привычкамъ.[26]) Десятое августа было „возстаніемъ простонародья противъ средняго класса и конституціоннаго трона подобно тому, какъ 14-ое іюля было возстаніемъ средняго класса противъ привилегированныхъ классовъ и противъ абсолютной власти короны".[27]) Короче сказать, рѣшительно вся исторія французской революціи служитъ у Минье иллюстраціей того положенія, которое можно съ полнымъ основаніемъ назвать *формулой прогресса*, совершающагося въ цивилизованныхъ обществахъ: „перемѣны нарушаютъ интересы; интересы создаютъ партіи; партіи вступаютъ въ борьбу".[28]) Огюстэнъ Тьерри не даромъ говорилъ, что Минье былъ одаренъ большимъ талантомъ обобщенія фактовъ и исторической индукціи.

[22]) Histoire de la révolution française, Paris 1827, t. I, p. 105.
[23]) Ibid., p. 111. [24]) Ibid., p. 210. [25]) Ibid. p. 227.
[26]) Ibid., p. 276. [27]) Ibid., p. 290.

Въ теченіе всей своей жизни Минье былъ сознательнымъ, откровеннымъ и послѣдовательнымъ представителемъ „средняго класса". Его идеаломъ было соціальное и политическое господство этого класса. Онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ „простонародья", поскольку оно угрожало этому господству. „Les desordres de la Commune lui furent odieux" (безчинства Коммуны были ему омерзительны) говоритъ его біографъ Эдуардъ Пти.[29]) Но этотъ другъ жестокаго усмирителя Коммуны, Тьера, не испытывалъ передъ революціоннымъ способомъ дѣйствій того жалкаго чувства страха, смѣшаннаго со злобой, который испытываютъ передъ нимъ крупные и мелкіе буржуа нашего времени. „Только силой можно добиться признанія своихъ правъ", — замѣчаетъ онъ въ самомъ началѣ своей исторіи революціи, прибавляя нѣсколькими страницами ниже, что до сихъ поръ „нѣтъ другого верховнаго владыки, кромѣ силы".[30]) Нынѣшніе историки не любятъ такихъ сентенцій. Старый Гизо объяснитъ намъ эту особенность ихъ вкуса.

Взглядъ Гизо на коренную причину общественнаго развитія ничѣмъ не отличается отъ взгляда Огюстэна Тьерри и Минье. Соціальныя отношенія и въ его глазахъ являются основой политическихъ отношеній. „Большая часть писателей, ученыхъ, историковъ и публицистовъ — говоритъ онъ въ своихъ „Essais sur l'histoire de France" — старались объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизаціи, политическими учрежденіями этого общества. Было бы благоразумнѣе начинать съ изученія самого общества для того, чтобы узнать и понять его полити-

[28]) Ibid. p. 213.
[29]) François Mignet, par Eduard Petit, Paris 1889, p. 286.
[30]) Histoire de la révolution française, t. I, pp. 3, 13. Эти выраженія напоминаютъ извѣстное выраженіе Маркса: сила всегда была повивальной бабкой стараго общества, беременнаго новымъ.

ческія учрежденія. Прежде, чѣмъ стать причиной, учрежденія являются слѣдствіемъ; общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы судить о состояніи народа по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество; его составъ; образъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ ихъ соціальнаго положенія; отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ *гражданскій бытъ людей* (l'état des personnes), — таковъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ люди жили, и публициста, желающаго знать, какъ люди управлялись".[31])

По словамъ Гизо, у всѣхъ народовъ, явившихся на историческую сцену Европы послѣ паденія Западной Римской имперіи, гражданскій бытъ находился въ тѣсной причинной связи съ поземельнымя отношеніями, а потому изученіе поземельныхъ отношеній должно предшествовать изученію гражданскаго быта. „Чтобы понять политическія учрежденія, надо изучить различные слои, существующіе въ обществѣ, и ихъ взаимныя отношенія. Чтобы понять эти различные общественные слои, надо знать природу поземельныхъ отношеній".[32]) Съ этой точки зрѣнія Гизо и смотритъ на исторію Франціи первыхъ двухъ династій. Она является у него исторіей борьбы между „*слоями*" тогдашняго населенія этой страны.

Исторія англійской революціи изображается имъ какъ борьба буржуазіи съ аристократіей. Онъ называетъ остроумнымъ, но поверхностнымъ тотъ взглядъ, согласно которому англійская революція была болѣе политической, чѣмъ соціальной, между тѣмъ какъ французская стремилась измѣнить всю совокупность общества и правительства".[33]) На самомъ дѣлѣ обѣ революціи имѣли

[31]) Essais sur l'histoire de France, dixième édition (первое изд. вышло въ 1821 году), pp. 73-74.
[32]) Ibid., pp. 75-76.
[33]) Histoire de la révolution d'Angleterre, Paris 1841, t. I, préface, p. XXI (предисловіе подписано: апрѣль 1826).

одинаковое происхожденіе и одинаковую цѣль. Революціонное движеніе въ Англіи началось подъ вліяніемъ измѣненій въ соціальныхъ отношеніяхъ и въ нравахъ англійскаго народа. Между тѣмъ какъ высшая аристократія утрачивала свое вліяніе на народъ и развращалась, мелкіе дворяне, фригольдеры и буржуа, занятые исключительно своими имущественными дѣлами, все болѣе богатѣли и все болѣе подчиняли народъ своему вліянію. Постепенно, безъ шума и почти безъ собственнаго вѣдома, они сосредоточили въ своихъ рукахъ почти всѣ общественныя силы, — „истинные источники власти".[34]) И по мѣрѣ того, какъ совершалась эта коренная перемѣна въ общественныхъ отношеніяхъ, среднее сословіе („les communes") начало нетерпѣливо относиться къ тиранніи. „Увеличеніе благосостоянія вызвало нужду въ ограниченіи произвола. Королевскія права, въ теченіе долгаго времени не вызывавшія никакихъ протестовъ, стали казаться злоупотребленіемъ"[35]) Такъ завязалась революціонная борьба, имѣвшая множество разнообразныхъ перепитій, но закончившаяся полнымъ торжествомъ средняго класса.

Гизо умѣетъ прослѣдить вліяніе „общественнаго состава" не только на политическій строй общества, но также и на совершающіяся въ немъ *умственныя теченія*. Соображенія объ исторіи французской литературы, высказанныя имъ еще во время первой имперіи, заслуживали бы подробнаго разсмотрѣнія. Но по недостатку мѣста мы напомнимъ здѣсь только его разсужденія о театрѣ. По его мнѣнію, судьбы театра отражаютъ собою развитіе общественныхъ отношеній. Въ древней Греціи, гдѣ общественныя дѣла находились въ завѣдываніи всего народа, театръ служилъ всенароднымъ развлеченіемъ, отражавшимъ привычки и вкусы всѣхъ свободныхъ гражданъ. Напротивъ, въ обществахъ новаго времени, представляющихъ собою сложное сочетаніе различныхъ классовъ, занятыхъ трудомъ и вѣчно борющихся между собою за преобладаніе, театръ становится

[34]) Ibid., pp. 9-10.
[35]) Ibid., pp. 11-12, ср. также Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre.

развлеченіемъ высшихъ классовъ. Отъ этого много страдаютъ его достоинства. Упрочивъ свое положеніе, высшіе классы стремятся обыкновенно отдѣлиться и удалиться отъ остальной части общества. Они утрачиваютъ свойственныя народу простыя и естественныя привычки и проникаются искусственностью. Поэтому область художественнаго творчества съуживается и бѣднѣетъ. Для примѣра Гизо указываетъ на судьбы англійскаго театра послѣ реставраціи 1660 г.: въ своемъ презрѣніи къ народу англійская аристократія стала пренебрегать даже Шекспиромъ, объявивъ его неблаговоспитаннымъ. Французская трагедія тоже была созданіемъ высшихъ классовъ, и потому ея время прошло вмѣстѣ съ паденіемъ стараго порядка. Революція расчистила мѣсто для „новой драматической системы“[36].)

Конечно, здѣсь можно не согласиться съ отдѣльными частностями. Но нельзя не признать, что путь изслѣдованія причинной связи явленій намѣченъ здѣсь совершенно вѣрно. И именно по этому пути пошли впослѣдствіи наиболѣе даровитые критики и историки французской литературы, такъ хорошо подготовившіе почву для матеріалистическаго объясненія умственной исторіи цивилизованнаго человѣчества.

Политическая дѣятельность Гизо еще ярче обнаруживаетъ его классовую точку зрѣнія. Онъ самъ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что упроченіе господства среднихъ классовъ (des classes moyennes) было неизмѣннымъ его политическимъ стремленіемъ.[37]) И онъ не только горячо и неустрашимо защищалъ интересы этихъ классовъ, но, по его собственнымъ словамъ, онъ хотѣлъ еще болѣе возвеличить ихъ дѣло, „перенеся его въ прошлое и обнаруживъ его интересы и превратности во всемъ теченіи французской исторіи“.[38]) Это намѣреніе было блестяще выполнено имъ въ его политическихъ памфлетахъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ памфлетъ, озаглавленный: „Du Gouvernement de la France et du ministère actuel“ и вышедшій въ сентябрѣ 1820 г.

[36]) См. чрезвычайно интересный Etude sur Shakspeare, въ первомъ томѣ французскаго перевода сочиненій Шекспира, Paris 1821.
[37]) Mémoires, Paris 1858, t. I, p. 8. [38]) Ibid., pp. 296-297.

Здѣсь Гизо выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ французской революціи. Революція эта была войной, совершенно подобной международнымъ войнамъ. „Въ теченіе тринадцати столѣтій во Франціи было два народа: народъ — побѣдитель и народъ — побѣжденный. Въ теченіи тринадцати столѣтій побѣжденный народъ боролся для того, чтобы свергнуть иго народа-побѣдителя. Наша исторія есть исторія этой борьбы. Въ наши дни произошла рѣшительная битва. Эта битва называется революціей“.[39]) Результатъ ея очевиденъ. Народъ, бывшій когда-то побѣжденнымъ, сталъ побѣдителемъ и, въ свою очередь, завоевалъ Францію. Пресловутая хартія только признала, по словамъ Гизо, этотъ несомнѣнный *фактъ* и объявила его *правомъ*. Представительное правленіе было гарантіей этого новаго права.[40]) Споры, происходившіе въ палатѣ депутатовъ, могли казаться странными и непонятными лишь тому, кто смотрѣлъ на нихъ съ точки зрѣнія теоретика, не умѣя пріурочить ихъ къ породившимъ ихъ обстоятельствамъ. Въ дѣйствительности споры велись „между равенствомъ и привилегіей, между среднимъ классомъ и старой аристократіей“.[41]) Старый порядокъ и новая Франція ведутъ борьбу не на жизнь, а на смерть. Всякая мысль объ ихъ примиреніи — химера.[42])

Мы уже знаемъ, что Гизо понималъ причинную связь между общественными отношеніями съ одной стороны, и умственными теченіями съ другой. Политическая полемика дала ему лишній случай высказать свой взглядъ на этотъ счетъ. Онъ заявляетъ, что „идеи, ученія и самыя конституціи“ подчиняются обстоятельствамъ и принимаются народами только тогда, когда они являются орудіемъ и обезпеченіемъ ихъ интересовъ.[43]) Исторія англійской конституціи особенно хорошо показываетъ, по его мнѣнію, „до какой степени обстоятельства господствуютъ надъ мнимыми теоріями представительной системы“.[44]) Мы видимъ зданіе англійской конституціи и забываемъ о томъ, какъ оно строилось. „Мы

[39]) Du gouvernement de la France, pp. 1-2.
[40]) Ibid., p. 5. [41]) Ibid., p. 22. [42]) Ibid., p. 108.
[43]) Ibid., p. 91. [44]) Ibid., p. 127.

приписываемъ человѣческой мудрости прогрессивное развитіе, бывшее плодомъ одной необходимости"[45]). Теоретики революціи ошибались *„или лгали"* (курсивъ нашъ), провозглашая самодержавіе народа, На самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о самодержавіи всего народа, а о побѣдѣ одной части народа надъ другой его частью. Такъ какъ на сторонѣ третьяго сословія было огромное численное превосходство, то и возникла теорія народнаго самодержавія. Эта теорія была нужна въ то время, потому что силѣ необходима доктрина: „людямъ непремѣнно нужно думать и показать другимъ, что они правы".[46])

Сторонники контръ-революціи всегда отлично понимали, что для достиженія своей цѣли они должны захватить власть и воспользоваться ею сообразно своимъ интересамъ. Средній классъ съ своей стороны долженъ помнить, что ему нужно не разрушать власть, а овладѣть ею.[47])

Представительное правленіе существуетъ затѣмъ, чтобы сосредоточить въ себѣ и выразить общественныя нужды и стремленія, а также затѣмъ, чтобы облекать властью тѣхъ, которые умѣютъ понимать и удовлетворять эти стремленія и нужды.[48]) Само собою разумѣется, что, по мнѣнію Гизо, такимъ умѣньемъ обладаютъ лишь представители „средняго класса", а оттого и власть должна, по его теоріи, принадлежать именно этому классу, а не той population extérieure (такъ называетъ Гизо рабочую массу. Г. П.), права которой нужно признавать и защищать, но которая можетъ погубить и себя, и все государство, если только доберется до власти![49])

Когда Марксъ и Энгельсъ писали въ „Манифестѣ", что современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи, они высказывали тотъ же самый взглядъ на созданное буржуазіей представительное правленіе. Только они оцѣнивали его уже не съ точки зрѣнія *„средняго класса"*, а съ точки зрѣнія того именно

[45]) Ibid., p. 290. [46]) Ibid., p. 138. [47]) Ibid., p. 237.
[48]) Ibid., p. 283. [49]) Ibid., p. 326, note.

Домъ Плеханова
№

„внѣшняго населенія" (population extérieure), о господствѣ котораго Гизо не могъ и подумать безъ страха.

Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то обстоятельство, что Гизо очень хорошо сознавалъ классовой характеръ представляемыхъ и защищаемыхъ имъ соціально-политическихъ тенденцій. Когда сторонники стараго порядка стали обвинять его въ томъ, что проповѣдуя борьбу классовъ, онъ разжигаетъ будто бы дурныя страсти, онъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось только резюмировать исторію Франціи. Она полна борьбой сословій или, вѣрнѣе, *сдѣлана ею.* „Это знали и это говорили за много вѣковъ до революціи. Это знали и это говорили въ 1789 г. Это знали и это говорили три мѣсяца тому назадъ.[50]) Я думаю, что и теперь всѣ помнятъ объ этомъ, хотя меня и упрекаютъ въ томъ, что я высказалъ это. Факты не уничтожаются по желанію и для удобства министерствъ и партій... Что сказали бы всѣ тѣ мужественные буржуа, которыхъ посылали въ Генеральные Штаты для защиты и завоеванія правъ третьяго сословія, если бы, воскреснувъ теперь, они услыхали, что дворянство никогда не воевало съ третьимъ сословіемъ; что оно не чувствовало безпокойства при его возникновеніи, что оно не возмущалось при видѣ его роста, что оно не мѣшало его соціальнымъ и политическимъ успѣхамъ?... Выродившіеся потомки расы, нѣкогда господствовавшей надъ великой страною и заставлявшей трепетать королей, вы отрекаетесь отъ своихъ предковъ и отъ своей исторіи! Вы сознаете свое паденіе и потому протестуете противъ своего былого величія!" Поднимая рѣчь о борьбѣ классовъ, Гизо совсѣмъ не имѣлъ въ виду высказать что-либо новое: борьба классовъ не теорія и не гипотеза; это самый простой фактъ. „И я повторяю, — восклицаетъ Гизо, — что не только нѣтъ никакой заслуги за тѣми, которые его видятъ, но почти смѣшно отрицать его". Гизо стыдится того, что ему, буржуа, приходится читать дворянству уроки французской исторіи и доказывать ему, что оно стало „слишкомъ смиренно въ своихъ воспоминаніяхъ". А на обвиненія его въ

[50]) Писано въ 1820 году.

томъ, что онъ разжигаетъ страсти и сѣетъ раздѣленіе между гражданами, онъ отвѣчаетъ восклицаніемъ: „Какъ! Мы должны забыть нашу исторію только потому, что ея выводы оказались неблагопріятными для васъ?“

Эти выписки[51]) достаточно характеризуютъ тогдашнее боевое настроеніе Гизо. Для болѣе полной характеристики укажемъ, впрочемъ, еще на эпиграфъ цитируемаго здѣсь сочиненія его „Du gouvernement de la France“. Онъ взятъ изъ Паскалевыхъ „Pensées“ и гласитъ такъ: „*Пріятно находиться на кораблѣ во время бури, когда знаешь, что не погибнешь!*“

Во всемъ этомъ классовое самосознаніе буржуазіи выражается такъ ярко, что мы не нуждаемся въ дальнѣйшихъ выпискахъ. Поэтому мы не станемъ говорить здѣсь ни о книгѣ Армана Карреля: „Histoire de le contre-revolution en Angleterre“ (Paris 1827), ни объ относящихся къ болѣе позднему времени сочиненіяхъ Алексѣя Токвиля. Мы считаемъ твердо установленнымъ тотъ фактъ, что уже во время реставраціи Сенъ-Симонъ и многіе ученые представители французской буржуазіи видѣли въ борьбѣ классовъ главнѣйшую пружину историческаго развитія народовъ новаго времени.

Мы думали, что полезно установить этотъ фактъ, такъ какъ онъ, повидимому, остался неизвѣстнымъ многимъ критикамъ „Манифеста Коммунистической Партіи“. Вотъ, напр., Эмиль Вандервельдъ категорически утверждаетъ, что понятіе о классовой борьбѣ есть „пробный камень демократическаго соціализма въ отличіе его отъ всѣхъ другихъ настоящихъ и прошедшихъ формъ соціализма буржуазнаго и утопическаго“, и что это понятіе „впервые было развито со всѣми его послѣдствіями въ ‚Манифестѣ Коммунистической Партіи‘“.[52]) При-

[51]) Сдѣланныя изъ Avant-propos третьяго изданія брошюры Du gouvernement de la France.

[52]) Золотая свадьба международнаго соціализма, (переводъ съ французскаго), Лондонъ 1899 г., стр. 5. Въ русскомъ переводѣ брошюра эта издана „Фондомъ Вольной Русской Прессы“ и снабжена маленькимъ предисловіемъ издателей, въ которомъ „эволюція здоровой соціалистической мысли въ Европѣ“ противопоставляется „догмамъ германскаго соціализма“. Почтенные сторонники „здоровой соціалистической мысли“ не замѣтили ни вышеуказанной, ни другихъ ошибокъ Вандервельда и даже кое-что прибавили къ нимъ изъ собственнаго запаса. Такъ, они называютъ Вандервельда „марксистомъ и притомъ однимъ изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ представителей парламентарнаго соціализма“. Послѣднее справедливо! Вандервельдъ дѣйствительно—одинъ изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ представителей соціализма (парламентарнаго и всякаго другого) въ Бельгіи. Но марксистомъ онъ никогда не былъ, какъ могли бы убѣдиться въ этомъ его русскіе издатели, ознакомившись съ другими его сочиненіями.

знаемся, что отъ человѣка, написавшаго такъ сказать. юбилейную брошюру по поводу „Манифеста“, можно требовать болѣе внимательнаго отношенія къ своему предмету.

Точно также и г. Вернеръ Зомбартъ, критикуя высказанный въ „Манифестѣ“ взглядъ на великое историческое значеніе борьбы классовъ, ни единымъ словомъ не указываетъ на то, что въ сороковыхъ годахъ взглядъ этотъ далеко не былъ новымъ въ политической литературѣ.[53]) Вернеръ Зомбартъ придаетъ большое значеніе „исторіи догмъ“ (Dogmengeschichte) въ новѣйшемъ соціализмѣ. Отъ него тоже можно было бы требовать лучшаго знакомства съ этой исторіей.

Въ статьѣ „Essai d'interprétation et de critique de quelques concepts du marxisme“, напечатанной въ февральской книжкѣ „Devenir Social“ за 1898 г., г. Бенедетто Кроче чрезвычайно старательно „критикуетъ“ ученіе Маркса и Энгельса о борьбѣ классовъ. Но и этотъ старательный критикъ, какъ видно, очень далекъ отъ мысли о томъ, что борьбу классовъ проповѣдывали еще теоретики буржуазіи.

Укажемъ еще на Томаса Кэркопа, который, „критикуя“ ученіе Маркса съ самыхъ различныхъ сторонъ и довольно подробно останавливаясь на „Манифестѣ“, не догадывается спросить себя, точно-ли мысль о классовой борьбѣ принадлежитъ исключительно Марксу.[54])

Съ критиками марксизма до сихъ поръ почти всегда происходили такія оказіи: они не замѣчали дѣйстви-

[53]) См. Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert, SS. 1 и 2.

[54]) См. A History of Socialism by Thomas Kirkop, London 1900, главы 7, 8 и 9.

тельныхъ промаховъ Маркса и Энгельса, но за то записывали на ихъ счетъ такія ошибки, которыхъ тѣ никогда не дѣлали.

Но промахъ промаху рознь. Разумѣется, очень хорошо, когда основатели данной теоріи знаютъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и не ошибаются въ своихъ сужденіяхъ о нихъ. Однако никто не поставилъ бы Дарвину въ большую вину тѣхъ ошибокъ, которыя онъ сдѣлалъ бы, говоря о мѣстѣ, занимаемомъ его собственной теоріей въ исторіи ученій объ эволюціи. Но если кто-нибудь взялся за *критику* дарвинизма, а особенно, если бы онъ захотѣлъ написать *исторію трансформизма*, то они *обязанъ* былъ бы знать предшественниковъ Дарвина, и тогда было бы въ высшей степени странно, если бы онъ, говоря объ этихъ предшественникахъ, удовольствовался простымъ повтореніемъ того, что сказалъ о нихъ самъ Дарвинъ.

Тоже можно замѣтить о критикахъ марксизма и объ историкахъ соціализма. Подъ ихъ перомъ совершенно непростительны такіе промахи по части „исторіи догмы", которые были вполнѣ понятны и извинительны подъ перомъ Энгельса или Маркса.

Но оставимъ пока *критиковъ* и вернемся къ *предшественникамъ*.

Во время реставраціи французская буржуазія пережила не одну бурю. Но, ободряемая своими недавними колоссальными побѣдами надъ аристократіей, она вѣрила, что нѣтъ силы, способной положить предѣлъ ея господству, и бодро смотрѣла въ будущее, находя, что очень пріятно быть на кораблѣ во время бури, когда знаешь, что не погибнешь. Она не боялась тогда говорить о классовой борьбѣ и насмѣшливо отказывалась позабыть исторію своей собственной классовой борьбы въ угоду выродившейся аристократіи. Но увы! Все течетъ, все измѣняется. Прошло какихъ-нибудь два-три десятка лѣтъ, и буржуазія была вынуждена взглянуть на классовую борьбу съ другой точки зрѣнія. Рабочій классъ, — внѣшнее населеніе, какъ называлъ его Гизо, — началъ борьбу противъ ея собственнаго классового господства. Вслѣдствіе этого коренным образомъ измѣнилось настроеніе буржуазіи: изъ *революціоннаго* оно пре-

вратилось въ *консервативное*. Сорокъ-восьмой годъ былъ страшнымъ урокомъ для буржуазіи. Какъ хорошо поняла она смыслъ этого урока, видно изъ того, что съ этого времени ея теоретики стали проповѣдывать *„соціальный миръ"*. Всегда чрезвычайно внимательно и чутко относившійся къ положенію и нуждамъ „средняго класса", Гизо уже въ январѣ 1849 г. выпустилъ брошюру: „De la Démocratie", въ которой воспѣвается соціальный миръ, ведущій къ „свободѣ, спокойствію, благоденствію, достоинству" и ко всѣмъ другимъ „вещественнымъ и духовнымъ благамъ". Гизо и въ 1849 г. помнилъ, что соціальная война *„сдѣлала"* исторію Франціи; но теперь война эта представляется ему уже не двигателемъ прогресса, а какимъ-то ящикомъ Пандоры, изъ котораго сыплются на его страну ужаснѣйшія бѣдствія. „Борьба различныхъ классовъ нашего общества наполняетъ собою нашу исторію, повторяетъ онъ. Революція 1879 г. была самымъ общимъ и самымъ могучимъ ея проявленіемъ. Дворянство и третье сословіе, аристократія и демократія, буржуазія и работники, собственники и пролетаріи, — все это лишь различныя формы и различныя фазы соціальной борьбы, отъ которой мы такъ долго страдаемъ... Это бичъ, это стыдъ, недостойный нашего времени. Внутренній миръ, миръ между различными классами гражданъ, соціальный миръ! Это самая важная потребность Франціи, это крикъ спасенія!"[55])

Преобладаніе среднихъ классовъ составляетъ характеристическую черту французской исторіи послѣ 1789 г. Указавъ на это, Гизо пишетъ цѣлый панегирикъ буржуазіи. Но онъ ясно видитъ, что ея господству грозитъ страшная опасность. „Теперь на арену вышелъ новый борецъ. Демократическій элементъ подраздѣлился. Противъ среднихъ классовъ выдвигаютъ рабочіе классы, противъ буржуазіи — пролетаріатъ. И эта новая война тоже ведется на смерть, потому что новый претендентъ также исключителенъ, какъ и всѣ прочіе".[56])

Пролетаріатъ грозитъ уничтожить господство „сред-

[55]) De la Démocratie, Paris 1849, p. 35. [56]) Ibid., p. 107

нихъ классовъ". „Средніе классы" боятся пролетаріата, и потому ихъ теоретики проповѣдуютъ *миръ*. Но прочный миръ можетъ быть заключенъ только тогда, когда пролетаріатъ перестанетъ оспаривать право буржуазіи на существованіе. Гизо прекрасно понимаетъ это. Онъ доказываетъ теперь, что всѣ классы, существующіе во Франціи, составляютъ „естественные, глубокіе элементы французскаго общества"[57]) И онъ утверждаетъ, что признаніе справедливости этой мысли всѣми борющимися между собою сторонами было бы огромнымъ шагомъ впередъ въ направленіи къ соціальному миру. Въ самомъ дѣлѣ, признавъ справедливость этой мысли, пролетаріатъ тѣмъ самымъ призналъ бы „*естественность*" своего подневольнаго положенія. Но это-то и нужно было перепуганному идеологу буржуазіи.

Не одинъ Гизо проповѣдовалъ соціальный миръ и не одинъ Гизо измѣнилъ свое отношеніе къ классовой борьбѣ послѣ того, какъ на арену выступилъ „новый борецъ". Мы уже знаемъ, какъ относился Минье къ „безчинствамъ" парижской Коммуны. Что касается Ог. Тьерри, то для его настроенія послѣ 1848 г. характерно предисловіе его къ „Essai sur l'histoire du Tiers-Etat", вышедшему въ 1853 г. Исторія третьяго сословія была исторіей соціальной войны средняго класса съ аристократіей. Ог. Тьерри былъ, какъ мы знаемъ, однимъ изъ первыхъ, обратившихъ вниманіе читающей публики на классовой характеръ этой войны. Отрицать этотъ характеръ значило бы лишить исторію третьяго сословія всего ея значенія. Но съ другой стороны, въ 1853 году Тьерри уже не могъ говорить о классовой борьбѣ безъ серьезныхъ оговорокъ. И вотъ онъ оговаривается. Онъ замѣчаетъ, что классовая борьба, составляющая предметъ его книги, не имѣетъ ничего общаго съ классовой борьбой пролетаріата противъ буржуазіи. Описываемая имъ борьба была благодѣтельна по своимъ послѣдствіямъ и велась въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, а борьба пролетаріата съ буржуазіей началась „только вчера и совершенно нарушаетъ общественную безопасность". Классовой интересъ пролетаріата кажется ему *узкимъ*, а классовой интересъ третьяго сословія очень *широкимъ*, потому что третье сословіе охватывало всю націю, за исключеніемъ дворянства и духовенства.

[57]) Ibid., p. 105.

Это разсужденіе чрезвычайно характерно въ психологическомъ отношеніи, хотя, — какъ мы увидимъ ниже, — сторонникамъ революціонной борьбы съ буржуазіей очень легко было опровергнуть Ог. Тьерри его же собственными доводами.

Научное убѣжденіе въ исторической важности классовой борьбы было, однако, такъ сильно у французскихъ историковъ временъ реставраціи, что когда у нихъ проходилъ страхъ передъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата, они снова начинали говорить своимъ прежнимъ языкомъ. Для примѣра мы опять сошлемся на Гизо.

Въ 1858 г. онъ издалъ свои „Воспоминанія", въ первомъ томѣ которыхъ рѣчь идетъ именно о томъ времени, когда онъ съ пылкимъ энтузіазмомъ молодости проповѣдывалъ классовую борьбу средняго класса съ аристократіей. Упомянувъ о своей брошюрѣ „Du gouvernement de la France", представляющей, какъ мы уже знаемъ, самое горячее воззваніе къ такой борьбѣ, Гизо признается, что, перечитавъ ее черезъ 36 лѣтъ послѣ ея выхода, онъ вынесъ такое впечатлѣніе: „Разсматривая вещи по существу и въ нихъ самихъ, какъ историкъ и какъ философъ, я не вижу въ своей брошюрѣ ничего такого, что я долженъ былъ бы взять назадъ. Я продолжаю думать, что высказанныя въ ней общія идеи справедливы, великіе соціальные факты правильно оцѣнены, политическіе дѣятели хорошо поняты и вѣрно изображены... Но... я слишкомъ много требовалъ отъ людей".

Научная добросовѣстность взяла верхъ надъ страхомъ передъ „новымъ борцомъ", и престарѣлый теоретикъ буржуазіи уже не смотритъ на классовую борьбу, какъ на стыдъ и горе Франціи. Онъ утверждаетъ, что въ брошюрѣ „Du gouvernement" соціальные факты оцѣнены вѣрно, а это значитъ, что соціальная война — борьба классовъ — *сдѣлала исторію Франціи*. Откровенно высказывая это, Гизо обнаружилъ несравненно больше уваженія къ научной истинѣ, чѣмъ всѣ тѣ ны-

нѣшніе „ученые“, которые избѣгаютъ упоминанія о классовой борьбѣ съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ христіане должны, по совѣту апостола Павла, избѣгать всякихъ разговоровъ о „мерзостяхъ“, запрещенныхъ седьмой заповѣдью.

Итакъ, было время, когда буржуазія прекрасно понимала историческую роль классовой борьбы. Если она теперь не понимаетъ или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ этой роли, если она проповѣдуетъ „соціальный миръ“, то это очень хорошо объясняется дальнѣйшей исторіей буржуазнаго общества, страхомъ передъ „новымъ борцомъ“. И если въ настоящее время теоретики буржуазіи охотно распространяются на тему о „соціальномъ мирѣ“ и ставятъ въ тяжелую вину соціаль-демократамъ ихъ проповѣдь классовой борьбы, то соціаль-демократы могутъ отвѣтить имъ, какъ отвѣчалъ когда-то Гизо теоретикамъ аристократіи: „Выродившіеся потомки класса нѣкогда безраздѣльно господствовавшаго надъ цивилизованнымъ миромъ и заставлявшаго трепетать королей, вы отрекаетесь отъ своихъ предковъ и отъ своей исторіи!“ И подобно Гизо мы имѣемъ право насмѣшливо удивляться тому, что наши противники стали слишкомъ смиренны въ своихъ воспоминаніяхъ, и иронически спрашивать ихъ: „неужели мы должны забыть исторію только потому, что ея выводы оказались неблагопріятными для васъ?“

А какъ понимать тѣхъ соціалистовъ, которые, подъ предлогомъ критики марксизма, хотятъ умалить значеніе классовой борьбы и подобно Его Превосходительству Господину Министру Милльрану заявляютъ, что не слѣдуетъ возстановлять рабочихъ противъ буржуазіи? Предоставляемъ судить объ этомъ самому читателю.

Въ настоящее время соціализмъ не можетъ не стоять на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Но соціалисты не всегда стояли наней. Пока соціализмъ находился въ дѣтскомъ періодѣ своего развитія, его приверженцы тоже готовы были оплакивать классовую борьбу, какъ стыдъ и горе человѣчества. Этому какъ будто противорѣчатъ вышеизложенные взгляды Сенъ-Симона. Но не нужно забывать, что у Сенъ-Симона рѣчь вездѣ идетъ о борьбѣ *промышленниковъ* противъ *феодаловъ*, а не о борьбѣ *пролетаріата* съ *буржуазіей*. Пролетаріатъ не существуетъ для Сенъ-Симона, какъ классъ, способный играть самостоятельную роль въ исторіи. Въ „Женевскихъ Письмахъ“ онъ говоритъ „неимущимъ“, что, захвативъ власть во время революціи, они съумѣли создать только *голодъ*. А въ своей „Промышленной системѣ“ онъ, желая побудить буржуазію къ принятію его воззрѣній, пугаетъ ее рабочимъ классомъ, въ средѣ котораго идеи равенства („турецкаго равенства“, какъ выражается онъ) могутъ, по его словамъ, получить широкое, но вредное для цивилизаціи значеніе.[58]) Буржуа-предприниматели были въ глазахъ Сенъ-Симона естественными руководителями рабочихъ. Авторы Манифеста справедливо говорятъ, что творцы утопическихъ системъ „видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самодѣятельности, никакого, свойственнаго ему политическаго движенія“. Вѣрные этому воззрѣнію, соціалисты-утописты обращались не къ пролетаріату, а ко всему современному имъ обществу. Такъ Ж. Перейръ въ своихъ лекціяхъ о промышленности, читанныхъ въ парижскомъ Атенеѣ въ 1831 г., категорически заявлялъ отъ лица сенъ-симонистовъ, что они, какъ „люди прогресса“, хотятъ спасти все человѣчество, „а не тотъ или другой народъ, не тотъ или другой классъ“.[59]) Подобно этому и въ глазахъ фурьеристовъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ доктрины ихъ учителя являлось то обстоятельство, что она не выражала собою борьбы „противоположныхъ интересовъ въ обществѣ“.[60]) Наконецъ, укажемъ еще на Луи Блана, который въ январѣ 1845 года писалъ во введеніи къ своей знаменитой брошюрѣ „Organisation du Travail“: „Въ этой книгѣ я обращаюсь къ вамъ, богатые, потому что въ ней говорится о бѣдныхъ. Ибо ихъ дѣло есть ваше дѣло“.[61])

[58]) Du système industriel, Paris 1821, pp. 205-207.
[59]) Leçons sur l'industrie, Paris 1832, p. 39.
[60]) V. Considérant, Destinée sociale t. II, 3-e éd., pp. 8 и слѣд.
[57]) Судите послѣ этого объ учености и глубокомысліи господина профессора Карѣева, замѣчающаго въ своей статьѣ о книгѣ

Такіе взгляды соціалистовъ-утопистовъ представляютъ собою и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи огромный шагъ назадъ въ сравненіи съ вышеизложенными взглядами идеологовъ революціонной буржуазіи и объясняются неразвитостью тогдашняго капитализма. Они не остались, конечно, безъ вреднаго вліянія на развитіе классового самосознанія рабочихъ, но они не остановили этого развитія и не могли остановить его. Ростъ капитализма велъ за собою какъ численный ростъ пролетаріата, такъ и умственное его пробужденіе. Уже въ октябрѣ 1836 г. существовавшій въ Лондонѣ „Рабочій Союзъ" принялъ уставъ, который очень недвусмысленно указывалъ на необходимость разрыва рабочаго класса съ партіями господствующихъ классовъ.[62]). Съ другой стороны во Франціи большинство членовъ тайныхъ революціонныхъ обществъ вербуется въ средѣ рабочаго класса. Какія идеи распространялись между членами этихъ обществъ, показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ діалога, происходившаго при принятіи новыхъ членовъ въ коммунистическое общество „Временъ Года".

„*Вопросъ.* Изъ кого состоитъ теперь аристократія?

Отвѣтъ. Родовая аристократія была уничтожена въ

„Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію": „Авторъ сдѣлалъ непростительную ошибку, оставивъ безъ разсмотрѣнія историка-соціалиста Луи Блана, который выступилъ много раньше Маркса, и въ воззрѣніяхъ котораго мы видимъ, съ одной стороны дальнѣйшее развитіе взглядовъ О. Тьерри и Гизо на классовую борьбу въ исторіи, а съ другой, и дальнѣйшее развитіе идеи Сенъ-Симона" (Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ, С.-Петербургъ 1896, стр. 211).

Ог. Тьерри и Гизо въ свое время проповѣдывали классовую борьбу средняго класса съ дворянствомъ. Вся исторія Франціи учила, по ихъ словамъ, тому, что третье сословіе не дождется никакихъ добровольныхъ уступокъ отъ аристократіи. Луи Бланъ увѣрялъ, что дѣло бѣдныхъ есть дѣло богатыхъ, и обращался со своимъ проектомъ организаціи труда не къ пролетаріату, а къ буржуазіи. Г. Карѣевъ называетъ это дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Ог. Тьерри и Гизо на классовую борьбу въ исторіи. Это свидѣтельствуетъ лишь о неразвитости его собственныхъ взглядовъ на классовую борьбу и на исторію соціализма.

[62]) Die Entstehung und die ökonomische Grundsätze des Chartismus von Dr. John L. Tildsley, Jena 1898, стр. 2-4.

іюлѣ 1830 г.; теперь аристократами являются богачи, которые составляютъ такую же жадную аристократію, какъ и старая.

В. Можно-ли ограничиться низверженіемъ правительства?

О. Надо уничтожить всѣхъ аристократовъ и всѣ привилегіи, иначе ничего не выйдетъ.

В. Принадлежатъ-ли къ народу тѣ, которые, подобно аристократамъ, имѣютъ права, не исполняя никакихъ обязанностей?

О. По настоящему они не должны принадлежать къ нему. Они представляютъ собою для общественнаго тѣла то же, что нарывъ для тѣла отдѣльнаго человѣка. Устраненіе нарыва есть первое условіе выздоровленія. Уничтоженіе аристократіи есть первое условіе возвращенія общественнаго тѣла къ справедливому состоянію" и т. д.[63])

Съ нашей нынѣшней точки зрѣнія, практическія программы тогдашнихъ коммунистовъ-заговорщиковъ являются еще менѣе удовлетворительными, чѣмъ ихъ теоретическія воззрѣнія. И однако ихъ твердая увѣренность въ томъ, что освобожденіе рабочаго класса („народа") немыслимо безъ борьбы съ высшими классами („аристократіей"), очень выгодно отличаетъ ихъ отъ соціалистовъ-утопистовъ. Конечно, борьба кучки людей, составившихъ заговоръ во имя народныхъ интересовъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа *классовой* борьбою. Но когда главный контингентъ заговорщиковъ поставляется рабочими, заговоръ представляетъ собою *зародышъ* революціонной борьбы рабочаго класса. А взглядъ общества „Временъ Года" на „аристократію" указываетъ на тѣсную генетическую связь идей тогдашнихъ французскихъ революціонеровъ-коммунистовъ съ идеями буржуазныхъ революціонеровъ восемнадцатаго вѣка и либеральной оппозиціи реставраціонной эпохи. Мы видѣли, что классовой интересъ пролетаріата казался Огюстэну Тьерри узкимъ, а интересъ третьяго сословія широкимъ, такъ какъ сословіе это охватывало

[63]) De la Hodde, Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain, Paris 1850, p. 224.

ясю націю, за исключеніемъ аристократіи. Французскіе революціонеры-коммунисты исходили, подобно Огюстэну Тьерри, изъ сознанія необходимости бороться противъ *аристократіи* въ интересахъ *всей остальной части общества*. Но они справедливо указывали на то, что родовая аристократія уступила мѣсто денежной и что поэтому, борьба за широкіе общественные интересы должна вестись уже не противъ дворянства, а противъ буржуазіи. Логика была, очевидно, на ихъ сторонѣ, и они имѣли полное право упрекать своихъ буржуазныхъ противниковъ въ непослѣдовательности.

По мѣрѣ того, какъ росло и обнаруживалось противорѣчіе интересовъ эксплуатируемыхъ съ интересами эксплуататоровъ, росло и крѣпло сознаніе необходимости борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей. Но въ самомъ сознаніи этомъ было еще очень много утопическихъ элементовъ. Въ коммунистической и соціалистической литературѣ сороковыхъ годовъ понятіе о борьбѣ классовъ далеко еще не достигало той степени ясности, какая была ему свойственна, напримѣръ, у Гизо. Въ этомъ отношеніи буржуазная идеологія превзойдена была только Манифестомъ.

Взглядъ Маркса и Энгельса на борьбу классовъ, на значеніе политики въ этой борьбѣ и на зависимость государственной власти отъ господствующихъ классовъ тождественъ со взглядами на тѣ же предметы Гизо и его единомышленниковъ. Вся разница въ томъ, что одни отстаиваютъ интересы пролетаріата, между тѣмъ какъ другіе защищали интересы буржуазіи. Мѣстами Манифестъ говоритъ языкомъ памфлетовъ Гизо или, если хотите, нѣкоторые памфлеты Гизо отчасти говорятъ языкомъ Манифеста.[64]) Но у авторовъ Манифеста понятіе о борьбѣ классовъ является составною частью стройной исторической теоріи, между тѣмъ какъ

[64]) Для примѣра напомнимъ приведенные выше строки изъ брошюры Гизо о демократіи, написанной въ 1849 году: „Борьба различныхъ классовъ наполняетъ собою всю нашу исторію... Дворянство и третье сословіе, аристократія и демократія, буржуазія и работники, все это лишь различныя формы и различныя фазы соціальной борьбы“... Это почти дословно то, что говорится въ началѣ первой главы Манифеста.

въ исторической теоріи Гизо, Тьерри, Минье и другихъ современныхъ имъ идеологовъ буржуазіи еще не сведены концы съ концами. И это составляетъ, разумѣется, огромное преимущество „соціальной философіи“ Маркса и Энгельса.

Ниже мы внимательно разсмотримъ это преимущество. Но прежде нужно подвергнуть критикѣ нѣкоторыя „критическія“ замѣчанія нѣкоторыхъ критиковъ марксизма.

Г. Вернеръ Зомбартъ говоритъ:

„Начиная Коммунистическій Манифестъ словами: ‚Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ‘, Карлъ Марксъ высказалъ одну изъ величайшихъ истинъ, наполняющихъ наше столѣтіе. Но онъ высказалъ не всю истину. Ибо не вѣрно то, что вся исторія общества сводится единственно къ борьбѣ классовъ. Если мы вообще хотимъ обнять всемірную исторію одной формулой, то мы должны будемъ, я думаю, сказать, что вся исторія общества вращается вокругъ двухъ *противоположностей*, которыя я назову *соціальной* и *національной* противоположностью, понимая слово: *національность* въ самомъ широкомъ смыслѣ. Человѣчество въ своемъ развитіи сначала собирается въ общества, которыя первоначально ведутъ взаимную борьбу, но потомъ внутри ихъ начинается борьба ихъ членовъ за болѣе высокое положеніе... Такимъ образомъ, мы видимъ съ одной стороны стремленіе къ богатству, силѣ и значенію цѣлыхъ обществъ, а съ другой стремленіе къ тѣмъ же цѣлямъ отдѣльныхъ членовъ. Таковы, кажется мнѣ, двѣ противоположности, наполняющія собою всю исторію“.[65]).

Марксъ нашелъ часть истины. Критически мыслящій г. Зомбартъ съ своей стороны дополнилъ сказанное Марксомъ, и теперь мы, къ нашему счастью и удовольствію, обладаемъ полной истиной, свободной отъ крайностей и преувеличеній. Это очень пріятно, но, во-первыхъ, взаимная борьба отдѣльныхъ членовъ общества за болѣе высокое положеніе не есть еще борьба классовъ, какъ это прекрасно доказываютъ своимъ примѣромъ современные намъ предприниматели, которые оже-

[65]) Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahhundert, SS. 1-2.

сточенно борются между собою за покупателей, но чужды всякой мысли о *классовой* борьбѣ съ себѣ подобными. А во-вторыхъ, что такое „національная борьба“ г. Зомбарта? Это есть не что иное, какъ борьба отдѣльныхъ государствъ между собою. Спрашивается, неужели же авторы Манифеста упустили изъ виду историческое значеніе этой борьбы? Это было бы странно. Тѣмъ болѣе странно, что тѣ же авторы и въ томъ же Манифестѣ говорятъ, что буржуазія всякаго даннаго государства ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіей другихъ государствъ (Манифестъ, стр. 13). Въ чемъ же дѣло? Просто на просто въ томъ, что г. Вернеръ Зомбартъ плохо понялъ мысль Манифеста.

Въ какомъ смыслѣ употребляетъ Марксъ слово: *общество*? Въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ употреблялъ его Гизо, разсуждая о зависимости *политическаго* строя отъ *общественнаго*.[66]) И у того, и у другого слово: *общество* есть сокращенное обозначеніе того, что они же называли гражданскимъ обществомъ *въ отличіе отъ государства*. Когда авторы Манифеста говорятъ, что буржуазія каждой данной страны ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіей другихъ странъ, то они имѣютъ въ виду борьбу *между государствами*, *международную* или — по терминологіи г. Вернера Зомбарта — *національную* борьбу. А когда они говорятъ, что вся исторія *общества* была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ, они подразумѣваютъ исторію *гражданскаго общества* или, иначе, *внутреннюю исторію государствъ*.[67]). Эта исторія была, по ихъ мнѣнію, исторіей борьбы классовъ, и относительно *этой* исторіи съ ними по существу соглашается ихъ „критикъ“. Выходитъ, значитъ, что сдѣланная г. В. Зомбартомъ поправка есть не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія.

Маркса и Энгельса чаще всего „критикуютъ“ такимъ образомъ: сначала ихъ немножко не поймутъ или исказятъ, а потомъ немножко поправятъ. И такъ поступаютъ милостивые критики, а немилостивые совсѣмъ уже

[66]) См. выше стр. 27-28.

[67]) Ср. предисловіе къ „Zur Kritik“, гдѣ хорошо видно, какое значеніе придаетъ Марксъ слову „общество“. Ср. также „Die heilige Familie“, S. 189.

не стѣсняются съ ними: они безцеремонно приписываютъ имъ ахинею, глубокомысленно заявляя, что пора уже покончить съ марксовой „догмой“.

Бенедетто Кроче находитъ неяснымъ самое понятіе о борьбѣ классовъ. „Я готовъ сказать, — говоритъ онъ, — что исторія есть борьба классовъ: 1) когда существуютъ классы; 2) когда они имѣютъ противоположные интересы; 3) когда они сознаютъ ихъ противоположность. Но это привело бы насъ къ тому юмористическому положенію, что исторія есть борьба классовъ только тогда, когда она есть... борьба классовъ! Въ дѣйствительности, случалось, что классы не имѣли противоположныхъ интересовъ, и очень часто они не сознаютъ ихъ противоположности, что очень хорошо извѣстно соціалистамъ, которые стараются, иногда безуспѣшно (такъ, напр., это до сихъ поръ не удавалось имъ въ крестьянской средѣ), породить ея сознаніе въ новѣйшемъ пролетаріатѣ“.[68])

Эти замѣчанія могутъ показаться на первый взглядъ довольно мѣткими и потому заслуживаютъ вниманія.

Борьба классовъ имѣетъ мѣсто только тамъ и только тогда, гдѣ и когда существуютъ классы. Это, конечно, совершенно вѣрно: странно было бы говорить о классовой борьбѣ въ такомъ обществѣ, въ которомъ отсутствуютъ классы. Но въ какомъ же обществѣ они отсутствуютъ? Только въ самомъ первобытномъ. Въ такомъ обществѣ есть своего рода равновѣсіе интересовъ. Но оно неустойчиво: уже на очень ранней ступени развитія, еще задолго до полнаго разложенія родовой организаціи, въ средѣ „дикарей“ появляется имущественное неравенство, а вслѣдъ за нимъ не только антагонизмъ интересовъ, но и *сознаніе этого антагонизма*. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній эскимосской поэзіи является сказка, герой которой, — сынъ *бѣдной* вдовы, — мститъ своимъ *богатымъ* сородичамъ за испытанныя имъ отъ нихъ униженія. А между тѣмъ у эскимосовъ до сихъ поръ еще чрезвычайно сильно чувство солидарности, воспитанное первобытнымъ коммунизмомъ.

[68]) Critique de quelques concepts du marxisme въ Devenir social, Fevrier 1898, pp. 121-122.

Кромѣ того, нужно помнить, что въ первобытномъ обществѣ очень рано возникаетъ раздѣленіе труда между мужчинами и женщинами, чѣмъ порождается *антагонизмъ половъ*, сказывающійся и въ пищѣ, и въ нравахъ, и въ развлеченіяхъ, и въ искусствѣ, и даже въ языкѣ. Тому, кто упуститъ изъ виду матеріальныя и духовныя послѣдствія этого антагонизма половъ, останутся совершенно непонятными многія важныя стороны первобытной жизни. А если мы перейдемъ къ болѣе развитымъ обществамъ, то безъ труда замѣтимъ какъ существованіе въ нихъ различныхъ классовъ, такъ и ихъ безпрерывную борьбу, отражающуюся и въ государственномъ устройствѣ, и въ правѣ, и въ религіи, и въ поэзіи, и во всемъ вообще художественномъ творчествѣ.

Вѣрно и то, что интересы различныхъ общественныхъ классовъ не всегда *противоположны*. Но для возникновенія классового антагонизма достаточно простого *различія* интересовъ. Тамъ, гдѣ между бѣдными и богатыми еще не установилось отношенія наемниковъ къ нанимателямъ, не рѣдко замѣчается именно только это различіе, которое, однако, порождаетъ жестокую борьбу классовъ. А иногда для возникновенія классовой борьбы не нужно и имущественнаго неравенства, а достаточно различіямѣстныхъ интересовъ, какъ это хорошо видно изъ первоначальной исторіи Аѳинъ) съ ея борьбой между діакріями, параліями и педіеями.[69])

Говоря, что антагонизиъ интересовъ не всегда сосознается общественными классами, г. Кроче высказываетъ мысль, вѣрную только отчасти. Возьмемъ хоть русскую исторію. Много-ли въ ней можно насчитать открытыхъ, большихъ крестьянскихъ возстаній? Очень немного: возстанія Разина и Пугачева въ Великороссіи и казацкія войны въ Малороссіи наполняютъ собою лишь нѣкоторые, сравнительно весьма непродолжительные періоды, отдѣленные одинъ отъ другого болѣе или

[69]) См. Griechische Geschichte von E. Curtius, I. B., Berlin 1857, SS. 254-255; ср. Hegel's Philosophie der Geschichte (herausgegeben von E. Gans), S. 261: „Der Unterschied der Stände beruht auf der Verschiedenheit der Localität".

менѣе длинными промежутками. Но чѣмъ характеризуются эти промежутки? „Соціальнымъ миромъ"? Нѣтъ, о соціальномъ мирѣ или хотя бы о перемиріи и тогда ничего не слышно. „Соціальная война" не прекращается и въ эти промежутки, она только измѣняетъ свой характеръ, *изъ явной дѣлаясь скрытою*. Общество по прежнему остается раздѣленнымъ на два враждебныхъ лагеря: здѣсь — „паны", „господа"; тамъ — „хлопы", „мужики". Каждый изъ этихъ двухъ лагерей очень хорошо видитъ стѣну враждебныхъ чувствъ, взглядовъ и дѣйствій, отдѣляющую его отъ другого лагеря: „господа" бранятъ „мужиковъ" и стараются „подтянуть" ихъ какъ можно больше, „мужики" смѣются надъ „господами" и сопротивляются „подтягиванію" всѣми зависящими отъ нихъ способами. И каждый годъ, даже каждый мѣсяцъ скрытая война то тамъ, то здѣсь переходитъ въ явную, ограниченную, правда, малымъ райономъ: мужики „бунтуютъ"; господа „усмиряютъ" съ помощью находящейся въ ихъ распоряженіи военной силы. Наши народники были правы, утверждая, что борьба крестьянъ за землю и волю проходитъ красною нитью черезъ всю русскую исторію. Но что же такое эта борьба за землю и волю, если не классовая борьба съ помѣщиками и съ государствомъ, въ которомъ распоряжались тѣ же помѣщики? „Мужикъ" прекрасно сознавалъ противоположность своихъ интересовъ съ интересами помѣщиковъ. И если, тѣмъ не менѣе, борьба, веденная имъ, не можетъ быть названа *сознательной классовой борьбою*, то только потому, что для сознательной классовой борьбы недостаточно видѣть антагонизмъ интересовъ, а нужно еще понимать, какими средствами могутъ быть побѣждены люди, защищающіе противоположные интересы. Русское крестьянство, какъ извѣстно, не отличалось этимъ пониманіемъ. Поэтому и веденная имъ борьба была въ значительной степени „стихійной" борьбою. Но она не переставала быть классовой борьбою.

Г. Кроче смѣшиваетъ сознательную борьбу съ сознаніемъ антагонизма и потому думаетъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ *сознательной* классовой борьбы, классовая борьба совершенно не имѣетъ мѣста. Онъ не понимаетъ, что

болѣе или менѣе ожесточенная, явная или скрытая, сознательная или безсознательная классовая борьба есть повсемѣстное слѣдствіе раздѣленія общества на классы.

Вѣрно, наконецъ, и то, что современные соціалисты всѣми силами стараются развивать самосознаніе рабочихъ. Но мы не понимаемъ, какимъ образомъ г. Кроче можетъ ссылаться на этотъ безспорный фактъ, какъ на доводъ противъ ученія о борьбѣ классовъ. О современныхъ соціалистахъ можно сказать словами Манифеста: они отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуа, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ. Но изъ этого вытекаетъ только тотъ выводъ, что не всѣ рабочіе отличаются одинаковой степенью классового самосознанія и не всѣ одинаково хорошо понимаютъ общіе интересы рабочаго движенія.

Раздѣленіе общества на классы вызывается экономическимъ его развитіемъ. Но ходъ *идей* опережается ходомъ *вещей*. Поэтому *сознаніе людьми* отношеній, существующихъ между ними въ общественномъ процессѣ производства, отстаетъ отъ *развитія* этихъ отношеній. Кромѣ того, даже въ предѣлахъ одного и того же класса сознаніе развивается не одинаково быстро: одни изъ его членовъ раньше, другіе позже схватываютъ сущность даннаго порядка вещей. Этимъ создается возможность идейнаго воздѣйствія передовыхъ на отсталыхъ, соціалистовъ на такихъ пролетаріевъ, которые еще не дошли до соціалистическаго міросозерцанія.[70]) Г. Кроче хочетъ, повидимому, сказать, что классового сознанія вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ еще нужно развивать его. Но, во-первыхъ, недостаточное развитіе самосознанія еще не означаетъ его отсутствія. А, во-вторыхъ, если бы и можно было встрѣтить теперь такихъ рабочихъ, которые вѣрили бы въ гармонію ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей, то о такихъ отсталыхъ и совершенно лишенныхъ классового само-

[70]) Что это воздѣйствіе совершается въ общемъ совсѣмъ не „безуспѣшно“, доказывается повсемѣстнымъ ростомъ соціалистической партіи.

сознанія рабочихъ нужно было бы сказать, что они еще не раздѣлались съ міросозерцаніемъ, свойственнымъ періоду классовой борьбы другого рода: борьбы третьяго сословія съ аристократіей. Тогда третье сословіе еще не сознавало экономическаго антагонизма, таившагося въ его собственныхъ нѣдрахъ. Нельзя удивляться, если взгляды, выработавшіеся въ эпоху классовой борьбы одного рода, отчасти сохранились, какъ пережитокъ, до нашей эпохи, ознаменовавшейся классовой борьбой другого рода: вѣдь развитіе сознанія отстаетъ отъ развитія экономики.

Выходитъ, что въ современномъ обществѣ, куда ни оглянешься, вездѣ увидишь вліяніе борьбы классовъ. Выходитъ также, что „юмористическія“ положенія высказываетъ не кто другой, какъ самъ г. Кроче.

Г. Кроче — умный и способный человѣкъ. Но въ его мышленіи не достаетъ діалектическаго элемента, и этимъ недостаткомъ обусловливаются почти всѣ его „критическія“ потуги и неудачи.[71])

Пойдемъ дальше. Выше мы сказали, что авторы Манифеста обладали стройной исторической теоріей, между тѣмъ какъ въ историческихъ взглядахъ идеологовъ буржуазіи не были сведены концы съ концами. Теперь намъ надо пояснить и доказать это.

Ог. Тьерри, Минье, Гизо и другіе историки, стоявшіе на точкѣ зрѣнія интересовъ „средняго класса“, видѣли въ имущественныхъ отношеніяхъ самую главную, самую глубокую основу политическаго строя данной страны и даже взглядовъ, господствовавшихъ въ ней.[72]) Въ этомъ

[71]) Замѣтимъ мимоходомъ, что отождествленіе „крестьянъ“ съ „новѣйшими пролетаріями“ въ высшей степени странно со стороны человѣка, все таки не дурно знакомаго съ литературой предмета.

[72]) Если это предисловіе попадетъ въ руки ученаго профессора Карѣева, то онъ воскликнетъ по нашему адресу, какъ воскликнулъ уже по адресу другого писателя: „это говорится о Гизо, признававшемъ такую важную роль за индивидуальнымъ развитіемъ! Это говорится объ Ог. Тьерри съ его теоріей расъ, играющей такую роль въ объясненіи событій!“ (Старые и новые этюды“, стр. 209). Но ученый профессоръ воскликнетъ такъ только по незнанію дѣла. Гизо дѣйствительно приписывалъ большое значеніе индивидуальному развитію, но это развитіе фигурируетъ

отношеніи ихъ взгляды мало чѣмъ отличаются отъ взглядовъ Маркса и Энгельса, и когда Марксъ впослѣдствіи писалъ, что правовыя отношенія и государственныя формы не объясняются ни собственной своей природой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, а коренятся въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, совокупность которыхъ Гегель называлъ гражданскимъ обществомъ,[73]) — онъ только повторялъ выводы, къ которымъ значительно раньше его пришла, подъ вліяніемъ общественнаго развитія и связанной съ нимъ борьбы классовъ, историческая наука. Вся разница сводилась къ тому, что у предшественниковъ Маркса происхожденіе имущественныхъ отношеній и интересовъ оставалось совсѣмъ не выясненнымъ, между тѣмъ какъ у Маркса оно выходило совершенно понятнымъ.

У Гизо, у Минье, у Тьерри и у всѣхъ историковъ и публицистовъ, стоявшихъ на ихъ точкѣ зрѣнія, имуще-

у него какъ желательное послѣдствіе общественнаго развитія, а не какъ одна изъ его основныхъ причинъ. Что касается Тьерри, то въ его исторической теоріи отводится большое мѣсто не „расамъ", а завоеванію одной расы другою. Съ какою же цѣлью совершаются завоеванія? На этотъ вопросъ Тьерри не колеблясь отвѣтилъ бы: ради положительныхъ (имущественныхъ) интересовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчаетъ его знаменитая книга Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Вспомните слѣдующее мѣсто. Передъ гастинской битвой одинъ изъ англовъ говоритъ: „Мы должны защищаться потому, что дѣло идетъ не о новомъ королѣ, а совсѣмъ о другомъ предметѣ... Норманнъ раздалъ земли своимъ военачальникамъ, своимъ всадникамъ, всѣмъ своимъ людямъ... И если онъ сдѣлается нашимъ королемъ, онъ вынужденъ будетъ передать въ распоряженіе своихъ людей наше имущество, нашихъ женъ и дочерей. Съ своей стороны, Вильгелмъ завоеватель говоритъ своимъ воинамъ: „сражайтесь хорошенько и убивайте всѣхъ, ибо если мы побѣдимъ, мы всѣ будемъ богаты. То, что я пріобрѣту, пріобрѣтете и вы, то, что я завоюю, завоюете и вы; если у меня будетъ земля, будетъ она и у васъ" (См. стр. 300 перваго тома парижскаго изданія 1825 года). Возраженія г. Карѣева противъ „экономическаго матеріализма" такъ полны недоразумѣній и такъ безсодержательны, что заставляютъ вспоминать слова Прудона: „Il faut qu'un professeur parle, parle, parle, non pas pour dire quelque chose, mais pour ne pas rester muet".

[73]) Zur Kritik der politischen Œkonomie, Vorwort.

ственныя отношенія общества не рѣдко объяснялись *завоеваніемъ*. Но они сами указывали на то, что завоеваніе совершается ради извѣстныхъ „*положительныхъ интересовъ*". Откуда же берутся эти интересы? Ясно, что ихъ существованіе обусловливается имущественными отношеніями какъ въ странѣ завоевателей, такъ и въ той странѣ, которая попадаетъ подъ ихъ иго.[74]) Получается заколдованный кругъ: имущественныя отношенія и интересы объясняются завоеваніемъ, а завоеваніе объясняется имущественными отношеніями и интересами. Пока историческая теорія не вышла изъ этого заколдованнаго круга, она по необходимости впадала въ эклектизмъ и въ противорѣчія. Такихъ противорѣчій не мало у всѣхъ вообще историковъ разсматриваемаго направленія.

Иногда историки аппелировали къ человѣческой природѣ. Но одно изъ двухъ: человѣческая природа или остается неизмѣнной въ продолженіе историческаго процесса, или она измѣняется. Если она остается неизмѣнной, то очевидно, что не ею могутъ быть объясняемы перемѣны, совершающія въ исторіи. А если она сама измѣняется, то ссылки на нее ничего не объясняютъ, такъ какъ намъ надо прежде всего объяснить причины ея собственныхъ измѣненій: новый заколдованный кругъ, новый источникъ противорѣчій и эклектизма въ исторической наукѣ.

Яркимъ примѣромъ такого эклектизма и такихъ противорѣчій можетъ служить знаменитая книга Токвиля „О Демократіи въ Америкѣ", которую Ройе-Колляръ называлъ продолженіемъ книги Монтескье „О духѣ законовъ". Токвиль говоритъ, что разъ данъ извѣстный соціальный строй, его можно разсматривать какъ первую причину большей части законовъ, обычаевъ и идей, „опредѣляющихъ собою поведеніе націй". Чтобы понять законодательство и нравы даннаго народа, надо начать съ изученія соціальнаго строя.[75]) Но откуда же берется соціальный строй? Въ отвѣтъ на это Токвиль ссылается на человѣческую природу. Мы уже

[74]) См. примѣчаніе 72.

[75]) См. De la Démocratie en Amérique, Paris 1836, t. I, p. 74.

знаемъ, что такія ссылки ничего не объясняютъ. Зналъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ это и самъ Токвиль, который еще въ своихъ письмахъ изъ Америки говорилъ: „Здѣсь процвѣтаютъ такія учрежденія, которыя непремѣнно вызвали бы переворотъ во Франціи. Люди здѣсь такіе же, какъ и у насъ, но только они поставлены въ другія условія“.[76])

Изъ этихъ словъ вытекаетъ тотъ неизбѣжный и несомнѣнный выводъ, что человѣческая природа совсѣмъ не даетъ намъ ключа для пониманія американскихъ учрежденій.

Въ другихъ мѣстахъ Токвилъ старается объяснить происхожденіе соціальнаго строя дѣйствіемъ *законовъ*. Но такъ какъ, по его же словамъ, законодательство страны объясняется ея соціальнымъ строемъ, то мы опять наталкиваемся на противорѣчіе. Самъ Токвиль болѣе или менѣе смутно сознавалъ это противорѣчіе и старался справиться съ нимъ. Но всѣ его усилія остались напрасными: его анализъ оказался въ этомъ случаѣ совершенно безсильнымъ.

Историческая теорія Маркса разрѣшаетъ это противорѣчіе и тѣмъ самымъ вноситъ ясность и послѣдовательность туда, гдѣ до тѣхъ поръ было много важныхъ частностей, глубокихъ мыслей и вѣрныхъ замѣчаній, но не было основного принципа, способнаго связать всѣ эти важныя частности, глубокія мысли и вѣрныя замѣчанія въ одно стройное цѣлое.

По теоріи Маркса, соціальный строй — общественныя отношенія людей — объясняется ихъ *экономическими отношеніями*: „анатомію гражданскаго общества надо искать въ его экономіи“. Чѣмъ же создаются отношенія этого рода? Если бы Марксъ сталъ объяснять ихъ происхожденіе взглядами, чувствами или вообще „природой“ людей, то онъ попалъ бы въ тѣ же самыя противорѣчія, въ какихъ вращались его предшественники. Но Марксъ объясняетъ его совершенно иначе.

Чтобы *жить*, люди должны *производить*. Чтобы производить, они должны извѣстнымъ образамъ сочетать

[76]) Nouvelle correspondance de Alexis Tocqueville, Paris 1866; письмо къ отцу отъ 3-го іюня 1830 г.

свои усилія, установить другъ съ другомъ извѣстныя отношенія, которыя у Маркса называются *производственными отношеніями*. Совокупность этихъ отношеній и составляетъ *экономическую структуру* общества, на основѣ которой выростаютъ всѣ другія (соціальныя) отношенія людей и, между прочимъ, весь „*гражданскій бытъ*“, игравшій такую важную роль въ теоріяхъ французскихъ историковъ временъ реставраціи.

Въ каждую данную эпоху характеръ производственныхъ отношеній опредѣляется не „случаемъ“ и не „природой“ людей, а тѣми естественными условіями, среди которыхъ людямъ приходится бороться за свое существованіе. Отъ этихъ условій, — и прежде всего отъ свойствъ географической среды, — зависитъ состояніе *производительныхъ силъ*, находящихся въ распоряженіи людей. Данному состоянію производительныхъ силъ соотвѣтствуютъ данныя отношенія производства, а даннымъ отношеніямъ производства соотвѣтствуетъ данный соціальный строй, свойства котораго, вліяя на психику людей, обусловливаютъ собою умственное, нравственное и все вообще такъ называемое *духовное* развитіе людей.

Но самый процессъ производства и сочетаніе человѣческихъ усилій въ этомъ процессѣ, увеличивая запасъ опыта, ведутъ къ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ, вслѣдствіе котораго возникаетъ и постепенно усиливается *несоотвѣтствіе* между этими силами съ одной стороны и производственными отношеніями съ другой. Прежде эти отношенія содѣйствовали дальнѣйшему росту производительныхъ силъ, теперь они начинаютъ задерживать его. Тогда начинается *революціонная эпоха* общественнаго развитія, которая рано или поздно заканчивается разрушеніемъ устарѣлыхъ производственныхъ, — а слѣдовательно, и имущественныхъ — отношеній и всего „гражданскаго быта“.

Борьба противъ устарѣлыхъ производственныхъ отношеній заставляетъ людей встать въ критическое отношеніе не только къ старому общественному порядку, но также къ тѣмъ идеямъ, къ тѣмъ чувствамъ, и вообще къ той „*психикѣ*“, которая выросла на почвѣ стараго порядка. Революціонному движенію въ области общественныхъ отношеній соотвѣтствуетъ, поэтому, революціонное дви-

женіе въ области духовной жизни. „Трудно-ли понять, — говорятъ Марксъ и Энгельсъ во второй главѣ Манифеста, — что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ, — мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ все ихъ міросозерцаніе. Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной?"

Такова историческая теорія Маркса и Энгельса. Эта теорія пропитываетъ собою весь Манифестъ и составляетъ то, что можно, не рискуя ошибиться, назвать его основною мыслью.

Съ точки зрѣнія этой основной мысли авторы Манифеста оцѣниваютъ и свою собственную эпоху. Если они считаютъ ее *революціонной*, то именно и единственно потому, что они замѣчаютъ несоотвѣтствіе между созданными капитализмомъ производительными силами и свойственными капитализму отношеніями производства. „Современное буржуазное общество, съ его организаціей производства и обмѣна, — говорятъ они, — какъ бы волшебствомъ создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ вызванными его заклинаніями подземными силами. Вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ условій жизни для буржуазіи и ея господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь періодически, все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества" (Манифестъ, стр. 8.).

Такъ какъ буржуазныя отношенія производства ставятъ рабочихъ въ тяжелую зависимость по отношенію къ капиталу, то неудивительно, что въ ихъ средѣ существуетъ недовольство, которое растетъ вмѣстѣ съ ростомъ указаннаго противорѣчія и переходитъ въ революціонное движеніе, направляющееся противъ всего нынѣшняго общественнаго порядка. Буржуазія „не только выковала оружіе, которое нанесетъ ей смертельный ударъ, она породила также людей, которые направятъ это оружіе — современныхъ работниковъ, *пролетаріевъ*" (Манифестъ, стр. 9.).

Все это показываетъ, до какой степени невѣрно характеризуется историческая теорія Маркса и Энгельса общеупотребительнымъ терминомъ: *экономическій матеріализмъ*. Если онъ долженъ обозначать теорію, признающую имущественный интересъ главнѣйшимъ двигателемъ историческаго прогресса, то французскихъ историковъ временъ реставраціи можно съ полнымъ правомъ назвать экономическими матеріалистами. Но эти „экономическіе матеріалисты" были на самомъ дѣлѣ совершенно чужды матеріализма и оставались *идеалистами*, поскольку не дѣлались эклектиками. Происхожденіе имущественныхъ отношеній и интересовъ получало у нихъ совсѣмъ не матеріалистическое объясненіе. Если же теорія Маркса была насквозь пропитана матеріализмомъ, то вовсе не потому, что она отводила въ исторіи чрезвычайно важную роль имущественнымъ интересамъ, а потому, что, пріурочивая развитіе этихъ интересовъ къ развитію производственныхъ отношеній, вызываемому ростомъ производительныхъ силъ, она впервые дала матеріалистическое объясненіе эволюціи общественной жизни и общественной мысли, совершенно устранивъ идеалистическое объясненіе этой эволюціи свойствами человѣческаго „духа" или вообще человѣческой „природы". Неудивительно, поэтому, что *полумарксисты*, возстающіе противъ *матеріализма*, упорно держатся за выраженіе: „*экономическій* матеріализмъ".

Они понимаютъ, что подъ этимъ выраженіемъ могутъ укрыться совершенно идеалистическіе взгляды.[77]).

Бывшій марксистъ и соціальдемократъ, г. Э. Бернштейнъ находитъ, что историческая теорія Маркса и Энгельса наиболѣе точно обозначается предложеннымъ Бартомъ названіемъ: *экономическое пониманіе исторіи*. Послѣ всего сказаннаго излишне говорить, что это мнѣніе г. „критика" основывается лишь на полномъ не-

[77]) Хорошій примѣръ: историческіе взгляды Сенъ-Симона имѣли идеалистическую основу, а между тѣмъ и онъ, какъ мы видѣли, былъ экономическимъ матеріалистомъ не меньше Минье, Гизо или Ог. Тьерри.

пониманіи истиннаго характера „критикуемой“ имъ теоріи.[78])

Разъ заговоривъ объ этомъ „критикѣ“, напомнимъ читателю, что, по его мнѣнію, историческая теорія Маркса и Энгельса сама прошла черезъ процессъ развитія, въ результатѣ котораго получилось нѣкоторое ограниченіе роли экономическаго „фактора“ въ исторіи въ пользу другихъ, *не-экономическихъ* „факторовъ“. Въ пользу этого своего мнѣнія г. Бернштейнъ приводитъ такіе доводы. Въ 1859 году, въ предисловіи къ „Zur Kritik der politischen Œkonomie“, Марксъ „признаетъ за опредѣляющій факторъ данныя матеріальныя производительныя[79]) силы и производственныя отношенія людей“, между тѣмъ какъ позже, въ спорѣ съ Дюрингомъ, Энгельсъ, „еще при жизни Маркса и въ согласіи съ нимъ“, даетъ историческому матеріализму другое „объясненіе“. Именно: „Тамъ значится, что ‚*послѣднія*[80]) *причины* всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и переворотовъ‘ надлежитъ искать не въ головахъ людей, а въ ‚измѣненіяхъ способа производства и обмѣна‘. Но ‚послѣднія причины‘ не исключаютъ одновременно дѣйствующихъ другихъ причинъ, — причинъ второй, третьей и другихъ — степеней, и ясно, что чѣмъ значительнѣе рядъ такихъ причинъ, тѣмъ сильнѣе ограничивается какъ качественно, такъ и количественно опредѣляющая сила послѣднихъ причинъ. Фактъ вліянія ихъ остается, но окончательная форма вещей зависитъ не отъ него одного“.[81])

[78]) Г. Бернштейнъ утверждаетъ, что: „на основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи покоится ученіе о классовой борьбѣ“ (Условія возможности соціализма, Лондонъ 1900, стр. 17). Читатель знаетъ теперь, что ученіе о классовой борьбѣ возможно не только на основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи. Но какое дѣло до этого г. Бернштейну? Онъ „критикуетъ“, а не изучаетъ.

[79]) Русскій переводчикъ г. Э. Бернштейна поставилъ вмѣсто производительныхъ — производственныя силы („Условія возможности соціализма“, стр. 6). Это совершенная безсмыслица.

[80]) Русскій переводчикъ вмѣсто „послѣднихъ“ причинъ поставилъ „конечныя“ причины, о которыхъ въ теоріи Маркса не можетъ быть и рѣчи.

[81]) Ibid., стр. 9.

Г. Бернштейнъ думаетъ, что „въ позднѣйшихъ работахъ Энгельсъ еще больше ограничилъ опредѣляющую силу производственныхъ отношеній“. Въ доказательство онъ указываетъ на два письма Энгельса, напечатанныхъ въ „Sozialistischer Akademiker“ за октябрь 1895 года и написанныхъ — одно въ 1890, а другое въ 1894 г. Содержаніе этихъ писемъ хорошо характеризуется двумя цитатами, сдѣланными изъ нихъ г. Бернштейномъ.

Первая изъ нихъ гласитъ: „Такимъ образомъ, имѣются безчисленныя, взаимно-скрещивающіяся силы, безконечная группа паралелограмовъ силъ, дающихъ *равнодѣйствующую*, — историческое событіе, — которая сама опять можетъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, работающей, какъ цѣлое, безъ сознанія и воли, ибо то, что каждый въ отдѣльности желаетъ, встрѣчаетъ помѣху со стороны всѣхъ другихъ, и то, что получается, есть нѣчто, чего не желалъ никто“ (письмо 1890 г.).

Во второй цитатѣ мы читаемъ слѣдующее: „Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и проч. развитіе покоится на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ одно на другое и на экономическій базисъ“ (письмо 1895 г.).

Сдѣлавъ эти цитаты, г. Бернштейнъ замѣчаетъ: „Читатель согласится, что это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ приведенное въ началѣ мѣсто изъ Маркса“.[82])

„Въ началѣ“ имъ приведено мѣсто изъ знаменитаго предисловія къ „Zur Kritik“, говорящее о томъ, что способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ собою процессъ соціальной, политической и умственной жизни. Допустимъ на минуту, что мѣсто это дѣйствительно „звучитъ“ иначе, чѣмъ вышеприведенныя цитаты изъ писемъ Энгельса, и посмотримъ, какъ „звучитъ“ Манифестъ, написанный за одиннадцать лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги „Zur Kritik der politischen Œkonomie“.

Мы уже обращали вниманіе читателя на то, что развитіе производительныхъ силъ признается тамъ самой глубокой причиной общественнаго развитія. Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія Манифеста *тождественна* съ точкой зрѣнія предисловія къ „Zur Kritik“. А какъ

[82]) Тамъ же, стр. 9.

обстоитъ дѣло съ „паралелограммами силъ“ и со взаимодѣйствіемъ различныхъ „факторовъ“ общественнаго развитія?

Манифестъ показываетъ, какимъ образомъ успѣхи буржуазіи въ экономической области вели ее къ политической борьбѣ и къ политическимъ завоеваніямъ, которыя въ свою очередь ложились въ основу ея дальнѣйшихъ успѣховъ въ области экономіи. Онъ объявляетъ, что *всякая классовая борьба есть борьба политическая*, и указываетъ пролетаріату на захватъ имъ *политической* власти, какъ на необходимое условіе его *экономическаго* освобожденія. Словомъ, на счетъ политическаго „фактора“ мы читаемъ здѣсь то же самое, что и въ письмѣ Энгельса 1895 г.: политическое развитіе покоится на экономическомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ реагируетъ на экономическій базисъ.

Выходитъ, что взглядъ, который кажется г. Бернштейну довольно позднимъ результатомъ эволюціи исторической теоріи Маркса и Энгельса, въ дѣйствительности былъ высказанъ еще съ 1848 г., т. е. въ такое время, когда, по гипотезѣ г. Бернштейна, Марксъ и Энгельсъ должны были быть — если здѣсь можно такъ выразиться, — „чистыми экономистами“.

Но вѣдь это выходитъ пока еще только по отношенію къ политическому „фактору“, а по отношенію къ другимъ это, можетъ быть, и не вѣрно?

Посмотримъ. Манифестъ говоритъ, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной: „Когда древній міръ пришелъ въ упадокъ, древнія религіи были побѣждены христіанствомъ. Когда христіанскія идеи уступали мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в., феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть съ революціонной тогда буржуазіей“. Уже въ этихъ словахъ заключается признаніе взаимодѣйствія между экономическимъ развитіемъ общества съ одной стороны и умственнымъ его развитіемъ съ другой. Но признаніе остается здѣсь скрытымъ и потому его еще можно оспаривать. Но послѣдняя глава Манифеста не оставляетъ уже ровно никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ этой главѣ, выясняя отношеніе коммунистовъ къ другимъ рабочимъ партіямъ, авторы говорятъ, что

коммунисты стремятся выработать въ умахъ рабочихъ какъ можно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Почему же коммунисты дѣлаютъ это? Очевидно, потому что признаютъ значеніе *идей*. Впрочемъ, авторы и сами спѣшатъ пояснить ихъ цѣль. Коммунистическая партія, говорятъ они, „хочетъ, чтобы общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собою господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борьба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи“. Здѣсь обнаруживается совершенно тотъ же взглядъ на значеніе *умственнаго* „фактора“, который мы отмѣтили по отношенію къ „фактору“ *политическому*: умственное развитіе основывается на экономическомъ, но затѣмъ, въ свою очередь, вліяетъ на него (черезъ посредство соціально-политической дѣятельности людей). Выходитъ, что и идейный „факторъ“ былъ признаваемъ Марксомъ и Энгельсомъ не только во время полемики съ Дюрингомъ, но еще въ 1848 г. — и даже не только въ 1848 г., а еще въ эпоху изданія „Deutsch-Französische Jahrbücher“. По крайней мѣрѣ относительно Маркса это ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія слѣдующія замѣчательныя строки изъ его статьи о гегелевской философіи права:

„Ни одинъ классъ не можетъ сыграть этой (освободительной) роли, не вызвавъ на время энтузіазма въ себѣ и въ массѣ. Въ теченіе этого времени онъ братается со всѣмъ обществомъ, его признаютъ *всеобщимъ представителемъ*, ему сочувствуютъ, какъ таковому; въ теченіе этого времени права и требованія этого класса являются правами и требованіями всего общества, а самъ онъ головой общества и его сердцемъ“.

Какъ видите, общественно-преобразовательная роль сознанія вообще и даже энтузіазма въ частности признается здѣсь самымъ категорическимъ образомъ. Психическій „факторъ“ реагируетъ на общественныя (а слѣдовательно и на экономическія) отношенія. А затѣмъ Марксъ поясняетъ, какимъ образомъ указанное имъ отношеніе всего общества къ „классу-освободителю“ выростаетъ на почвѣ борьбы классовъ: „чтобы одно

сословіе явилось сословіемъ-освободителемъ par excellence нужно, чтобы какое-нибудь другое сословіе явилось въ общемъ сознаніи, наоборотъ, сословіемъ-поработителемъ. Отрицательно-универсальное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило положительно-универсальное значеніе стоявшаго рядомъ съ ними и противъ нихъ класса буржуазіи".[83])

Выводъ: Уже съ самаго начала своей дѣятельности основатели научнаго соціализа выражали совершенно тотъ же взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ „факторовъ" историческаго развитія, какой мы встрѣчаемъ въ выпискахъ, дѣлаемыхъ г. Бернштейномъ изъ писемъ Энгельса, писанныхъ въ девяностыхъ годахъ. Да иначе и быть не могло: если бы въ началѣ своей политической акрьеры Марксъ и Энгельсъ въ самомъ дѣлѣ не придавали значенія политическому и духовному „факторамъ" и не допускали бы воздѣйствія ихъ на экономическое развитіе общества, то ихъ практическая программа была бы совершенно другая: они не говорили бы, что рабочій классъ не можетъ освободиться отъ экономическаго ига буржуазіи, не захвативъ въ свои руки политической власти. И точно также они не говорили бы о необходимости развитія самосознанія рабочихъ: зачѣмъ развивать его, если оно не играетъ никакой роли въ общественномъ движеніи, и если все дѣлается въ исторіи независимо отъ сознанія, одною силою экономической необходимости? Но кто же не знаетъ, что развитіе самосознанія рабочихъ было ближайшей практической задачей Маркса и Энгельса съ самаго начала ихъ общественной дѣятельности? А г. Бернштейну, какъ бывшему „марксисту", не мѣшало бы также знать и то, что энергичная умственная работа, совершавшаяся въ началѣ сороковыхъ годовъ въ средѣ французскихъ и англійскихъ рабочихъ, служила Марксу однимъ изъ главныхъ доводовъ противъ тѣхъ писателей, которые, подобно Бруно Бауэру, не хотѣли знать „массы" и возлагали всѣ свои упованія на „критически-мыслящихъ личностей".[84])

[83]) Deutsch-Französische Jahrbücher, S. 82.
[84]) Die heilige Familie, S. 125.

Попробуемъ построить другую гипотезу: въ началѣ своей дѣятельности Марксъ и Энгельсъ смотрѣли на „факторы" тѣми самыми глазами, какими смотрѣлъ на нихъ Энгельсъ въ девяностыхъ годахъ. А въ серединѣ этой дѣятельности, около времени выхода книги „Zur Kritik", Марксъ — одинъ или вмѣстѣ съ Энгельсомъ — почему-либо измѣнилъ этотъ свой взглядъ и вдался въ ту крайность, какую открылъ г. Бернштейнъ въ предисловіи къ названной книгѣ.

Но и эта гипотеза не выдерживаетъ критики. Не выдерживаетъ по той причинѣ, что въ названномъ предисловіи высказывается какъ разъ тотъ же взглядъ на „факторы", который, по мнѣнію г. Бернштейна, возникъ лишь въ результатѣ *эволюціи* исторической теоріи Маркса. Читатель безъ труда согласится съ нами, если дастъ себѣ трудъ вдуматься въ ту самую цитату, на которую ссылается нашъ глубокомысленный „критикъ". „Способъ производства матеріальной жизни вообще обусловливаетъ собою процессъ соціальной, политической и умственной жизни". Это значитъ, что соціальный, политическій и умственный „факторы" выростаютъ на экономической почвѣ.

Далѣе: „На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или... съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ развивались. Эти отношенія перестаютъ быть формами, способствовавшими развитію производительныхъ силъ и становятся препятствіемъ для него. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи".[85])

Имущественныя отношенія относятся къ области *права*. Въ данное время данныя имущественныя отношенія способствуютъ развитію производительныхъ силъ. Это значитъ, что правовыя формы, выросшія на данномъ экономическомъ базисѣ, въ свою очередь реагируютъ на развитіе экономики. Потомъ, — и между прочимъ, бла-

[85]) Условія возможности соціализма, стр. 6. Мы воспроизводимъ эту выписку, дѣлая необходимыя поправки въ ужасномъ русскомъ переводѣ ея.

годаря этому реагированію, — наступаетъ такое время, когда данныя правовыя формы начинаютъ мѣшать развитію производительныхъ силъ. Это опять значитъ, что эти формы реагируютъ, — хотя теперь уже въ обратномъ смыслѣ — на развитіе общественно-экономическихъ отношеній. Вслѣдствіе противорѣчія между производительными силами и имущественными отношеніями наступаетъ эпоха соціальной революціи. *Что* достигается этой революціей? *Какая* цѣль преслѣдуется ею? Устраненіе старыхъ и установленіе новыхъ отношеній производства, новыхъ правовыхъ учрежденій. Для чего же нужно это устраненіе и это установленіе? Для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Это снова и снова означаетъ, что правовыя формы, выросшія на данной экономической основѣ, съ своей стороны вліяютъ ну эту основу. Неужели это не то же самое, что говорилось въ Манифестѣ, повторялось почти во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ Маркса и было указано въ цитируемыхъ г. Бернштейномъ письмахъ Энгельса?

А психическій „факторъ"? Можетъ быть, о немъ въ предисловіи говорится не то, что въ другихъ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса? О немъ мало говорится въ предисловіи, но то, что говорится тамъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что сказано въ письмахъ Энгельса. Развитіе производительныхъ силъ ставитъ людей въ извѣстныя отношенія производства, ведетъ къ возникновенію извѣстныхъ правовыхъ формъ. Даннымъ правовымъ формамъ соотвѣтствуютъ извѣстныя правовыя понятія людей. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ производительныхъ силъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ состоянію перестаютъ соотвѣтствовать старыя правовыя формы, въ головахъ тѣхъ людей, интересы которыхъ нарушаются такимъ несоотвѣтствіемъ, возникаетъ сомнѣніе въ пригодности и справедливости старыхъ правовыхъ учрежденій, у нихъ являются новыя понятія о правѣ и о справедливости, соотвѣтствующія вновь достигнутой обществомъ ступени развитія производительныхъ силъ. Въ сторону этихъ новыхъ понятій о правѣ и о справедливости направляется практическая дѣятельность борцовъ противъ стараго порядка, ведущая къ созданію новыхъ правовыхъ учрежденій, дающихъ новый толчокъ

развитію производительныхъ силъ и т. д. и т. д. Это говорится въ предисловіи, и мы спрашиваемъ безпристрастнаго читателя, противорѣчитъ-ли это хоть на волосъ тому, это высказалъ Энгельсъ въ своихъ письмахъ?

Конечно, не противорѣчитъ. Но предисловіе написано болѣе отвлеченнымъ языкомъ и притомъ по совершенно другому поводу. Именно, въ предисловіи Марксъ хотѣлъ оттѣнить, что общественныя отношенія „не объясняются ни своей собственной природой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа". Съ этою цѣлью онъ выставлялъ на видъ преимущественно *экономическую основу* развитія названныхъ отношеній. А Энгельсъ въ своихъ письмахъ обращался къ человѣку, который, — подобно многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, — думалъ, что въ теоріи „экономическаго матеріализма" нѣтъ мѣста для дѣйствія политическаго, правового и духовнаго „факторовъ", и потому онъ, мимоходомъ указавъ на экономическую основу всѣхъ этихъ „факторовъ", особенно оттѣнялъ то обстоятельство, что эти „факторы", выросши на экономической почвѣ, воздѣйствуютъ на нее съ своей стороны. Вотъ только и всего. Если бы г. Бернштейнъ былъ способенъ пойти хоть немного дальше *словъ* разбираемой имъ теоріи и проникнуть въ ея *содержаніе*, то онъ съ большою легкостью понялъ бы, что историческіе взгляды, изложенные въ предисловіи „Zur Kritik", оставляютъ ровно столько-же мѣста для дѣйствія „причинъ второй, третьей и т. д. степеней", какъ и ученіе, содержащееся въ Анти-Дюрингѣ, а заключающееся въ письмѣ отъ 1890 г. разсужденіе Энгельса о томъ, что историческія событія могутъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, работающей безсознательно, есть то же самое, что въ предисловіи говоритъ Марксъ о дѣйствіи основной причины общественнаго развитія, независимой отъ сознанія и воли людей. Здѣсь — полнѣйшее тождество, а г. Бернштейнъ ухитрился понять слова Энгельса какъ нѣчто, измѣняющее смыслъ предисловія и дополняющее его. О „критика"!

Въ другомъ мѣстѣ своей брошюры нашъ „критикъ" указываетъ на будто бы преувеличенную оцѣнку Марксомъ „творческой способности революціонной силы въ

дѣлѣ соціалистическаго преобразованія современнаго общества". Но революціонная сила есть сила политическая. Выходитъ, стало быть, что Марксъ грѣшилъ преувеличенной оцѣнкой творческой способности политической силы. Но тотъ же Марксъ, въ то же время и по словамъ того же „критика", грѣшилъ тѣмъ, что не придавалъ значенія никакимъ другимъ „факторамъ", кромѣ экономическаго. Пойми, кто можетъ!

Г. Бернштейнъ критикуетъ не только историческую теорію Маркса и Энгельса, но также и ихъ ученіе о борьбѣ классовъ. По его словамъ, борьба классовъ ставитъ въ настоящее время передъ пролетаріатомъ уже не тѣ практическія задачи, на какія указывали авторы Манифеста. Борьба пролетаріата съ буржуазіей въ наиболѣе развитыхъ странахъ цивилизованнаго міра не можетъ повести теперь къ диктатурѣ пролетаріата, и потому разговоры о ней становятся простымъ фразерствомъ. Но пусть лучше говоритъ самъ г. Бернштейнъ.

„Имѣетъ-ли, напр., смыслъ повторять фразу о диктатурѣ пролетаріата въ такое время, когда во всевозможныхъ учрежденіяхъ представители соціальдемократіи практически становятся на почву парламентской борьбы, пропорціональнаго представительства и народнаго законодательства, противорѣчащихъ диктатурѣ? Она въ настоящее время настолько пережита, что иначе нельзя согласить ее съ дѣйствительностью, какъ путемъ отнятія у слова диктатура его истиннаго значенія и приданія ему какого-нибудь смягченнаго смысла".[86])

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ у насъ появился особый видъ „соціалиста", главная и, можно сказать, мучительная забота котораго заключалась въ томъ, чтобы не испугать либерала. Призракъ испуганнаго либерала до такой степени пугалъ соціалистовъ этого вида, что вносилъ несказанную путаницу во всѣ ихъ теоретическія и практическія разсужденія. Г. Бернштейнъ очень напоминаетъ такихъ „соціалистовъ". Его главная забота состоитъ въ томъ, чтобы какъ-нибудь не испугать демократическую буржуазію. Если онъ отказывается отъ матеріализма и рекомендуетъ вернуться къ

[86]) Условія возможности соціализма, стр. 158.

Канту, то единственно потому, что кантіанизмъ оставляетъ мѣсто для религіознаго суевѣрія, а г. Бернштейну не хочется шокировать религіозныя суевѣрія современныхъ буржуа. Если г. Бернштейнъ возстаетъ противъ матеріалистическаго ученія о необходимости, то лишь потому, что, будучи примѣнено къ общественнымъ явленіямъ, это ученіе не оставляетъ никакого мѣста для упованій пролетаріата на благожелательность буржуазіи, а слѣдовательно, и для взаимнаго сближенія этихъ двухъ классовъ. Наконецъ, если г. Бернштейнъ не любитъ „фразы" на счетъ диктатуры пролетаріата, то это опять-таки единственно потому, что она непріятно рѣжетъ слухъ даже самой „демократической" буржуазіи. Но людямъ, не пугающимся призрака испуганныхъ буржуа, вопросъ о диктатурѣ пролетаріата представляется совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видитъ его г. критикъ.

Диктатура всякаго даннаго класса означаетъ — какъ это прекрасно зналъ еще Минье — *господство* этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для прямого или косвеннаго подавленія всѣхъ тѣхъ общественныхъ движеній, которыя нарушаютъ эти интересы.[87]) Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что, напр., французская буржуазія добилась диктатуры еще въ эпоху перваго Учредительнаго Собранія и затѣмъ, съ нѣкоторыми перерывами, продолжала пользоваться ею вплоть до нашихъ дней, когда даже такъ называемый г. Жорэсомъ соціалистическій министръ г. Милльранъ не можетъ воспрепятствовать разстрѣливанію рабочихъ, осмѣливающихся не повиноваться капиталистамъ. При такомъ положеніи дѣлъ задача французскаго пролетаріата состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы устранить „условія возможности" этой диктатуры буржуазіи. Къ числу важнѣйшихъ изъ этихъ условій принадлежитъ неразвитость классового самосознанія производителей,

[87]) Просимъ читателя припомнить вышеприведенное положеніе Минье: „Извѣстно, что сила, достигшая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями". Когда данный классъ „овладѣваетъ учрежденіями", наступаетъ эпоха его диктатуры.

значительная часть которыхъ до сихъ поръ еще находится подъ вліяніемъ эксплуататоровъ. Одна изъ важнѣйшихъ практическихъ задачъ партіи заключается, поэтому, въ просвѣщеніи непросвѣщенныхъ, въ подталкиваніи отсталыхъ, въ доразвитіи недоразвитыхъ. Парламентская и всякая другая легальная политическая дѣятельность представителей соціальдемократіи содѣйствуетъ осуществленію этой важной задачи, и потому *заслуживаетъ всякаго уваженія и одобренія.* Но она хороша тѣмъ, что устраняетъ духовныя „условія возможности" диктатуры буржуазіи и создаетъ духовныя „условія возможности" будущей диктатуры пролетаріата. Она не противорѣчитъ диктатурѣ пролетаріата; она подготовляетъ ее. Называть *фразой* указаніе рабочимъ на необходимость диктатуры ихъ класса можетъ только тотъ, кто утратилъ всякое представленіе объ „*окончательной цѣли*" (Endziel) и думаетъ лишь о „движеніи" (Bewegung)... въ сторону буржуазнаго соціализма.

Но по словамъ г. Бернштейна классовая диктатура принадлежитъ къ болѣе низкой культурѣ, „и... надобно признать за шагъ назадъ, за политическій атавизмъ мысль о томъ, будто переходъ изъ капиталистическаго общества въ соціалистическое долженъ непремѣнно совершиться подъ формами развитія эпохи, которой еще незнакомы были или знакомы были лишь въ самой несовершенной формѣ современные методы пропаганды и проведенія законовъ и недоставало необходимыхъ къ тому органовъ".[88])

Диктатура даннаго класса есть, какъ мы сказали, господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для подавленія всѣхъ общественныхъ движеній, прямо или косвенно угрожающихъ этимъ интересамъ. Спрашивается, можно-ли назвать политическимъ атавизмомъ стремленіе къ такому господству того или другого класса современнаго общества? Нѣтъ, нельзя. Въ этомъ обществѣ существуютъ *классы.* Тамъ, гдѣ существуютъ классы, неизбѣжна *классовая борьба.*

[88]) Тамъ же, стр. 159.

Тамъ, гдѣ есть классовая борьба, необходимо и естественно *стремленіе каждаго изъ борющихся классовъ* къ полной побѣдѣ надъ своимъ противникомъ и къ полному надъ нимъ господству. Буржуазія и ея идеологи могутъ осуждать — во имя „нравственности" и „справедливости" — такое стремленіе всякій разъ, когда пролетаріатъ обнаруживаетъ его съ замѣтной силой. Мы знаемъ, что уже въ январѣ 1849 г. Гизо называлъ классовую борьбу стыдомъ и горемъ Франціи. Но мы знаемъ также, что это осужденіе классовой борьбы и завоевательныхъ стремленій рабочаго класса было подсказано буржуазіи лишь инстинктомъ самосохраненія, и что классовая диктатура представлялась ей совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, когда она еще вела свою многовѣковую тяжбу съ аристократіей и была твердо убѣждена въ томъ, что ея корабля не потопитъ никакая буря. Рабочему классу не можетъ и не должна импонировать та будто бы нравственность и та яко бы справедливость, къ которымъ взываютъ буржуа временъ упадка.[89]) Минье говорилъ, что только силой можно добиться признанія своихъ правъ, и что до сихъ поръ нѣтъ другого верховнаго владыки, кромѣ силы. Это было какъ нельзя болѣе справедливо въ эпоху борьбы третьяго сословія съ аристократіей, и это осталось какъ нельзя болѣе справедливымъ въ наше время борьбы пролетаріата съ буржуазіей. Если бы мы вздумали увѣрять рабочихъ, что въ буржуазномъ обществѣ сила уже

[89]) И это тѣмъ болѣе, что диктатура пролетаріата положитъ конецъ существованію классовъ, а слѣдовательно, ихъ борьбѣ со всѣми, вызываемыми ею и неизбѣжными теперь страданіями. Но буржуазія не хочетъ и, по своему общественному положенію, не можетъ понять это. Она стремилась къ диктатурѣ и находила ее необходимымъ и вполнѣ позволительнымъ средствомъ достиженія цѣли во время своей борьбы съ аристократіей. Но она стала осуждать это средство и находить его излишнимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ зашла рѣчь о диктатурѣ рабочаго класса. Это напоминаетъ дикаря, слѣдующимъ образомъ пояснившаго различіе между добромъ и зломъ: добро, это — когда я что-нибудь отниму у другихъ; а зло, это — когда у меня что-нибудь отнимутъ. И нужно имѣть много доброй воли, чтобы, подобно г. Бернштейну, находить убѣдительными доводы буржуазіи, пугающейся мысли о диктатурѣ пролетаріата.

не имѣетъ того значенія, какое она имѣла при „старомъ порядкѣ“, то мы сказали бы имъ явную и вопіющую неправду, которая — какъ и всякая неправда — только удлинила бы и увеличила бы „мученія родовъ“.

Правда, *сила* и *насиліе* совсѣмъ не одно и то же. Въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ значеніе каждаго государства опредѣляется его силой, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что признаніе права сильнаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предполагаетъ насильственныя дѣйствія. Тоже — и въ *междуклассовыхъ* отношеніяхъ. Значеніе каждаго даннаго класса всегда опредѣляется его *силой*, но для признанія его значенія далеко не всегда нужно *насиліе*. Роль насилія иногда съуживается, иногда расширяется въ зависимости отъ политическаго устройства данной страны. Г. Бернштейнъ думаетъ, что въ современныхъ демократическихъ странахъ рабочій классъ для достиженія своихъ цѣлей не имѣетъ надобности въ насиліи. Это слишкомъ оптимистическій взглядъ, внушенный нашему „критику“ его постоянной заботой о томъ, чтобы не испугать буржуазныхъ демократовъ. Современная Франція обладаетъ демократической конституціей, и однако никто изъ людей, знакомыхъ съ внутренней жизнью этой страны, не поручится за то, что ея пролетаріатъ не будетъ вынужденъ сопротивляться открытой силой насилію, испытываемому имъ со стороны буржуазіи. Болѣе того. Всякій, знакомый съ конституціей Франціи, скажетъ, что въ этой странѣ къ возстанію пролетаріата легко можетъ привести сама логика избирательнаго права.[90]) Или возьмите хоть Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Это — тоже демократическая страна. Но въ этой демократической странѣ освобожденіе негровъ могло быть куплено лишь цѣною междоусобія, и нельзя поручиться за то, что американскому пролетаріату не придется *насиліемъ* расчищать себѣ путь къ своему экономическому освобожденію. По мнѣнію г. Бернштейна, „вся практическая дѣятельность соціал-демократіи сводится къ тому, чтобы создать такія обстоятельства и условія, которыя сдѣлали бы возможнымъ и необходимымъ переходъ современнаго общественнаго строя въ высшій безъ конвульсивныхъ потрясеній“.[91]) Въ этихъ его словахъ есть доля истины. Соціаль-демократія дѣйствительно заинтересована въ томъ, чтобы переходъ въ высшій общественный порядокъ совершился безъ потрясеній. Но значитъ-ли это, что она должна отказаться отъ мысли о диктатурѣ пролетаріата? Совсѣмъ нѣтъ! Идя въ Пекинъ, союзныя европейско-американско-японскія войска были чрезвычайно заинтересованы въ томъ, чтобы занятіе китайской столицы совершилось безъ пролитія крови, но тѣмъ не менѣе они ни на одну минуту не покидали мысли объ ея занятіи. Никакая цѣль не можетъ измѣниться отъ того, что люди стремятся достигнуть ея съ наименьшими усиліями. Но когда люди твердо рѣшили во что бы то ни стало достигнуть данной цѣли, выборъ средствъ зависитъ уже не отъ нихъ самихъ, а отъ обстоятельствъ. И именно потому, что соціаль-демократія не въ состояніи предвидѣть всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ рабочему классу придется завоевывать свое *господство*,[92]) она не можетъ принципіально отказываться отъ *насильственнаго способа* дѣйствій. Она должна помнить старое, испытанное правило: если хочешь мира, готовься къ войнѣ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что самъ Энгельсъ подъ конецъ жизни настоятельно совѣтовалъ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ избѣгать насильственныхъ дѣйствій и оставаться на почвѣ мирной борьбы законными средствами.[93]) На это мы отвѣтимъ вотъ что.

Энгельсъ далъ этотъ свой совѣтъ, основываясь на трехъ соображеніяхъ: 1) на томъ, что соціалистическая революція предполагаетъ высокое развитіе сознанія рабочей массы, для котораго нужно время[94]); 2) на томъ,

[90]) Ср. J. Jaurès, Le socialisme français въ Cosmopolis, janvier 1898, pp. 119-121.

[91]) Тамъ же, стр. 158.

[92]) Мы уже сказали раньше, зачѣмъ нужно пролетаріату такое господство.

[93]) См. его (помѣченное мартомъ 1895 г.) предисловіе къ сочиненію Маркса о классовой борьбѣ во Франціи въ 1848-1850 гг.

[94]) „Die Zeit der Überrumpelungen, der von kleinen bewussten

что нѣмецкіе охранители всѣми силами стараются теперь толкнуть нѣмецкую соціаль-демократію на возстаніе, надѣясь разбить ее и тѣмъ положить конецъ ея непрерывнымъ успѣхамъ[95]), и 3) на томъ, что современное вооруженіе войска дѣлаетъ безнадежными всякія попытки уличныхъ возстаній.[96])

Первыя два изъ этихъ соображеній не нуждаются ни въ какихъ „поправкахъ" и ни въ какихъ комментаріяхъ. Они изложены такъ ясно и такъ очевидно справедливы, что противъ нихъ не станутъ возражать ни тѣ, которые дѣйствительно умѣютъ критиковать ученіе Маркса и Энгельса, ни даже тѣ, которые годны только на то, чтобы красоваться „подъ знакомъ критики". Но эти два соображенія осуждаютъ не насильственныя дѣйствія вообще, а только преждевременныя насильственныя дѣйствія, и потому не имѣютъ ничего общаго съ доводами сторонниковъ „мирнаго развитія" quand même.

Что касается третьяго соображенія, то при внимательномъ анализѣ смыслъ его оказывается не совсѣмъ такимъ, какимъ онъ представляется на первый взглядъ.

Развивая это соображеніе, Энгельсъ говоритъ, что до 1848 г. уличныя битвы не рѣдко приводили къ побѣдѣ инсургентовъ, но что это обусловливалось дѣйствіемъ весьма различныхъ причинъ. Въ Парижѣ, въ іюлѣ 1830 и въ февралѣ 1848 года, и въ большинствѣ испанскихъ уличныхъ битвъ дѣло рѣшалось національной гвардіей, которая обезкураживала регулярное войско своимъ нерѣшительнымъ поведеніемъ или даже прямо переходила на сторону возставшихъ. Тамъ же, гдѣ она сразу и рѣшительно выступала противъ инсургентовъ, возстанія оканчивались неудачей. Такъ было, напр., въ Парижѣ въ іюнѣ 1848 г. Во всякомъ случаѣ инсургенты побѣждали только тамъ и только тогда, гдѣ и когда имъ удавалось поколебать нравственную твердость войска. Даже въ классическое время уличной битвы баррикады имѣли болѣе нравственное, чѣмъ матеріальное значеніе. Затрудняя движеніе войска, онѣ давали инсургентамъ время подѣйствовать на его нравственное настроеніе. Но если войско не поддавалось вліянію инсургентовъ, оно всегда оставалось побѣдителемъ.

Minoritäten an der Spitze bewusstloser Massen durchgeführten Revolutionen ist vorbei. Wo es sich um eine vollständige Umgestaltung der gesellschaftlichen Organisation handelt, da müssen die Massen selbst dabei sein, selbst schon begriffen haben, worum sich handelt, für was sie eintreten sollen... Damit aber die Massen verstehen, was zu thun ist, dazu bedarf es langer, ausdauernder Arbeit" etc. Die Klassenkämpfe in Frankreich. Vorwort, S. 16.

[95]) Ibid., S. 17. [96]) Ibid., SS. 14-15.

Если это такъ, если даже въ классическое время уличной борьбы исходъ возстанія всецѣло опредѣлялся нравственнымъ настроеніемъ войска, то интересующій насъ здѣсь вопросъ сводится къ слѣдующему: могли-ли бы въ настоящее время инсургенты повліять на войско въ благопріятномъ для себя смыслѣ? На этотъ вопросъ Энгельсъ отвѣчаетъ категорическимъ „нѣтъ". Онъ говоритъ, что возставшіе не могли бы разсчитывать теперь, какъ въ 1848 г., на сочувствіе всѣхъ слоевъ населенія, и что хотя на ихъ сторону могло бы теперь стать больше людей, обученныхъ военному дѣлу, но имъ гораздо труднѣе было бы достать себѣ подходящее оружіе. Прибавляя къ этому, что съ 1848 года въ большихъ городахъ выросли новые кварталы, совершенно неудобные для постройки баррикадъ, Энгельсъ спрашиваетъ: „Понимаетъ-ли теперь читатель, почему господствующіе классы во что бы то ни стало хотятъ толкнуть насъ туда, гдѣ стрѣляютъ ружья и рубятъ сабли? Почему насъ называютъ теперь трусами за то, что мы не хотимъ, очертя голову, выходить на улицу, гдѣ насъ ждетъ вѣрное пораженіе? Почему насъ такъ настоятельно уговариваютъ выступить, наконецъ, въ роли пушечнаго мяса? Но напрасны просьбы этихъ господъ. Мы не такіе дураки".[97])

Все это сказано очень рѣшительно и, повидимому, не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ взгляда Энгельса. Но замѣтьте, что все разсужденіе его ведется въ виду *нынѣшняго положенія* нѣмецкой соціаль-демократіи, которая въ самомъ дѣлѣ поступила бы очень опрометчиво, поддавшись коварнымъ провокаціямъ

[97]) Ibid., S. 15.

господствующихъ классовъ. Разсужденіе, которое, казалось, имѣло общій характеръ, получаетъ особенный, частный смыслъ: читателю начинаетъ казаться, что Энгельсъ имѣлъ въ виду только нынѣшнее положеніе нѣмецкой соціаль-демократіи. Это впечатлѣніе значительно подкрѣпляется слѣдующими словами Энгельса: „Какъ бы тамъ ни было съ другими странами, нѣмецкая соціаль-демократія находится въ особомъ положеніи, и потому имѣетъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, особую задачу".[98]) Далѣе объясняется, почему германской партіи именно теперь невыгодно было бы прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Въ виду этого естественно является предположеніе, что мысль объ особенностяхъ современнаго положенія нѣмецкой партіи придала специфическую окраску всему разсужденію Энгельса объ открытой борьбѣ рабочаго класса съ его эксплуататорами. Это предположеніе уступаетъ мѣсто увѣренности при чтеніи того мѣста въ концѣ предисловія, гдѣ Энгельсъ говоритъ, что въ виду постоянныхъ успѣховъ соціаль-демократіи германское правительство можетъ, пожалуй, рѣшиться на отмѣну конституціи и на возвращеніе къ абсолютизму. Онъ намекаетъ здѣсь на то, что такая попытка приведетъ къ народному возстанію, о которое разобьются силы реакціонеровъ. Выходитъ, значитъ, что, по мнѣнію Энгельса, не всякое народное возстаніе безнадежно и въ настоящее время. Этотъ неизбѣжный выводъ еще болѣе подкрѣпляется заключительными строками предисловія, переносящими мысль читателя за 1600 лѣтъ назадъ, ко времени борьбы христіанства съ язычествомъ. Языческій міръ третировалъ христіанъ, какъ подрывателей основъ и жестоко преслѣдовалъ ихъ. Въ теченіе долгаго времени они могли работать на пользу своего дѣла лишь тайно, лишь въ подпольяхъ. Но мало по малу ихъ ученіе распространилось такъ сильно, что у нихъ оказались сторонники даже въ войскѣ: *„цѣлые легіоны обратились въ христіанство"* (курсивъ нашъ). И когда имъ приходилось по обязанностямъ службы присутствовать при религіозныхъ церемоніяхъ языческой церкви, эти воины,

[98]) Ibid., S. 17.

пропитанные духомъ новаго ученія, украшали крестомъ свои каски. Обычныя дисциплинарныя взысканія оказывались безсильными передъ ихъ дерзостью. Императоръ Діоклеціанъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ ними, издавъ „законъ противъ соціалистовъ, то бишь — противъ христіанъ". Собранія потрясателей основъ были объявлены незаконными, тѣ помѣщенія, гдѣ они происходили, были заперты, ношеніе крестовъ запрещено и т. д. и т. д. Триста-третій годъ ознаменовался сильнѣйшимъ гоненіемъ на христіанъ. Но это гоненіе было послѣднимъ въ своемъ родѣ. „Его дѣйствіе было такъ сильно, что по прошествіи семнадцати лѣтъ армія состояла преимущественно изъ христіанъ", и Константинъ объявилъ христіанство господствующей религіей[99])

Если эти строки имѣютъ какой-нибудь смыслъ, — а онѣ, разумѣется, не безсмысленны, — то именно тотъ, что соціалисты восторжествуютъ тогда, когда революціонныя идеи проникнутъ въ армію и когда „легіоны" нашего времени заразятся соціалистическимъ духомъ, а до тѣхъ поръ соціалистической партіи слѣдуетъ избѣгать открытыхъ столкновеній съ войсками. Какъ видитъ читатель, это не совсѣмъ тотъ выводъ, какой обыкновенно дѣлаютъ изъ этого разсужденія Энгельса.

Но возможно-ли проникновеніе соціалистическихъ идей въ армію? Не только *возможно*, а прямо *неизбѣжно*. Современная организація военнаго дѣла требуетъ всеобщей воинской повинности, а всеобщая военная повинность несетъ въ армію тѣ идеи, которыя распространяются въ народѣ. Чѣмъ шире будутъ распространяться въ массахъ соціалистическія идеи, тѣмъ болѣе будутъ расти шансы успѣховъ инсургентовъ: вѣдь мы уже знаемъ отъ Энгельса, что исходъ уличной борьбы всегда опредѣляется настроеніемъ войска.[100])

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не скоро „легіоны" поддадутся нашему вліянію. Но то, что отсрочено, еще не потеряно, какъ говорятъ французы. Рано или поздно соціалистическія идеи все-таки проникнутъ

[99]) Ibid., S. 19.

[100]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что баррикады представляютъ собою лишь частный случай борьбы открытой силой.

въ войско, и тогда мы посмотримъ, что останется отъ воинственнаго настроенія реакціонеровъ и не перестанутъ-ли они вызывать насъ на улицу...

Если мы сопоставимъ только-что анализированное нами разсужденіе Энгельса съ знаменитыми заключительными строками Манифеста Коммунистической Партіи[101]), то мы увидимъ, что къ концу своей жизни Энгельсъ значительно измѣнилъ свой взглядъ на роль открытыхъ возстаній въ освободительной борьбѣ пролетаріата. Между тѣмъ какъ въ эпоху опубликованія Манифеста онъ и Марксъ считали открытое возстаніе неизбѣжнымъ условіемъ побѣды рабочаго класса, Энгельсъ къ концу своей жизни призналъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ легальный путь тоже можетъ привести къ побѣдѣ, а на возстаніе сталъ смотрѣть какъ на такой способъ дѣйствій, который при современной техникѣ военнаго дѣла сулитъ соціалистамъ не побѣду, а жестокое пораженіе, и не перестанетъ сулить его имъ до тѣхъ поръ, пока сама армія не проникнется соціалистическимъ духомъ.

Этотъ новый взглядъ Энгельса заслуживаетъ, разумѣется, полнаго вниманія и уваженія, но онъ ни мало не противорѣчитъ тому, что мы сказали выше о возможномъ значеніи насильственныхъ дѣйствій въ революціонной борьбѣ рабочаго класса: онъ только выясняетъ намъ условія, необходимыя для успѣшности такого рода дѣйствій.[101])

[101]) „Коммунисты считаютъ позорнымъ скрывать свои воззрѣнія и стремленія. Они открыто объявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ насильственнаго ниспроверженія всего современнаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы содрогаются передъ коммунистической революціей. Пролетаріи ничего не могутъ въ ней потерять, кромѣ своихъ цѣпей. Пріобрѣтутъ же они цѣлый міръ.“ Манифестъ, стр. 39.

[102]) Въ 1892 году въ статьѣ „Der Sozialismus in Deutschland“ (Neue Zeit, X. Jahrg., I. B., S. 583) Энгельсъ, прямо указывая на быстрое проникновеніе соціалистическихъ идей въ армію, восклицалъ: „Какъ часто буржуа уговаривали насъ отказаться отъ употребленія насильственныхъ средствъ и не выходить изъ предѣловъ законности... Къ сожалѣнію, мы не можемъ доставить буржуа это удовольствіе (курсивъ нашъ, Г. П.)... Но это не мѣшаетъ намъ понимать, что въ настоящее время „законность“ убиваетъ не насъ, а кого-то другого. Намъ она, напротивъ, такъ полезна теперь, что мы были бы дураками, если бы нарушили ее“. Это какъ разъ та самая мысль, которую мы нашли въ предисловіи; только въ предисловіи ей придано умышленно-неясное выраженіе. И это сдѣлано по настоянію друзей, которые на основаніи практическихъ соображеній считали неудобнымъ ясное ея выраженіе (Объ этомъ см. въ статьѣ Каутцкаго „Bernstein und die Dialektik“, Neue Zeit, XVII. Jahrg., II B., S. 47). Энгельсъ уступилъ совѣту своихъ друзей-практиковъ и этимъ подалъ поводъ къ неправильному теоретическому истолкованію его взгляда. А это неправильное теоретическое истолкованіе уже теперь причинило массу практическихъ неудобствъ, гораздо болѣе чувствительныхъ, чѣмъ всѣ тѣ неудобства, которыя могли бы явиться въ результатѣ яснаго и недвусмысленнаго изложенія его мысли. Урокъ для слишкомъ уступчивыхъ теоретиковъ: они должны твердо помнить, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выраженіи теоретическихъ взглядовъ, практики всегда очень непрактичны.

Къ этому надо прибавить, что иное дѣло диктатура даннаго класса, а иное дѣло насильственныя дѣйствія, предпринимаемыя этимъ классомъ въ своемъ стремленіи къ диктатурѣ. Во время реставраціи Гизо и его единомышленники чрезвычайно энергично и вполнѣ сознательно стремились къ установленію диктатуры „средняго класса“, но никто изъ нихъ не думалъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ вообще и объ уличномъ возстаніяхъ въ частности. Гизо навѣрное рѣзко осудилъ бы тогда всякій планъ такого возстанія. Но это не мѣшало ему быть *революціонеромъ*, потому что онъ ни на минуту не переставалъ развивать въ умахъ людей „средняго класса“ сознаніе враждебной противоположности ихъ интересовъ съ интересами аристократіи и доказывать имъ, что всякая мысль о примиреніи съ ней есть *вредная химера*. Совершенно такими же революціонерами (только стоявшими на точкѣ зрѣнія другого класса) явились Марксъ и Энгельсъ въ Манифестѣ Коммунистической Партіи, и совершенно такими же революціонерами остались они до послѣдняго своего издыханія. Въ этомъ отношеніи взгляды ихъ не измѣнились ни на волосъ, вопреки увѣреніямъ тѣхъ „критиковъ“, которые цѣликомъ состоятъ, по выраженію Маркса, изъ „съ одной стороны“ и „съ другой стороны“, которымъ очень хотѣлось бы освободить пролетаріатъ, не обидѣвъ при этомъ буржуазіи и о которыхъ можно

сказать словами Нитше: selig sind diese Schläfrigen, denn sie sollen bald einnicken.

Вотъ все, что намъ хотѣлось сказать объ основной мысли Манифеста и о выводахъ, непосредственно изъ нея вытекающихъ. Отдѣльныя его положенія будутъ, какъ сказано, разсмотрѣны нами въ брошюрѣ „Критика нашихъ критиковъ". Мы увидимъ тамъ, *были-ли правы*, и если — да, то *въ какой мѣрѣ были правы* Марксъ и Энгельсъ, когда они говорили, что производительныя силы буржуазнаго общества переросли свойственныя ему производственныя отношенія, и что это противорѣчіе между производительными силами съ одной стороны и производственными отношеніями — съ другой является глубокой соціальной основой революціоннаго движенія современнаго рабочаго класса.

Женева, августъ 1900 г.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

МАНИФЕСТЪ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ